

Константин Фрес

**Жена на продажу,
таверна на сдачу**

«Литнет»

2024

Фрес К.

Жена на продажу, таверна на сдачу / К. Фрес — «Литнет», 2024

Умерев в своём мире, я попала в тело молодой женщины, муж которой продает ее на базаре за долги, словно корову! Теперь я не отличница и не выпускница элитной кулинарной академии. Я бесправная нищенка. И цена мне два серебряных. Меня выкупил хозяин закахшей таверны себе в помощницы. Муж бросил и уехал налаживать новую жизнь. Единственное, что я умею – это хорошо готовить. И мне придется хорошо потрудиться, чтобы выжить самой и выбраться из постыдного рабства. А также найти свое место в этом странном мире. И, вероятно, свою любовь.

© Фрес К., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1. Торг	5
Глава 2. "Печеное яблоко"	10
Глава 3. Чечевичная похлебка	15
Глава 4. Волшебный шкафчик	23
Глава 5. Гости таверны	30
Глава 6. Праздник непослушания	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1. Торг

— Разве я была плохой женой?! Разве я в чем-то провинилась перед тобой?!

— Не начинай! Все решено, — мужчина раздраженно дергает плечом. — Хорошо бы хоть пару серебряных выручить за тебя...

Он разодет как на свадьбу. Потертый, но добротный, шитый шелком и мелким жемчугом жилет. Дорогого сукна сюртук. И светлые серебряные часы с цепью. Красавец, да и только!

Но это остатки роскоши. Я знаю, точнее, узнала недавно — муж мой отчаянный игрок.

Дом, повозку с лошастью, деньги — он проиграл все.

А что не проиграл, то спешно распродает, чтоб рассчитаться с долгами. В том числе и меня.

Ему нужно немного монет, чтоб уехать из города, где его все знает и показывают пальцами. Он хочет спрятаться от позора и начать новую жизнь.

И я в его планы не вписываюсь. Никак.

— Возьми меня с собой! — пытаюсь говорить твердо, а сама обмираю от страха. Будущее кажется мне ужасающим. Оказаться бесправной вещью в чужих руках это же конец света. — Я на тебя работать буду, я только ради тебя, я!..

— Да замолчи ты уже, — раздражено вскрикивает он, отталкивая мои слабые руки, цепляющиеся за его одежду. — Не позорь меня! Не понимаешь, что ли — нет у меня на тебя денег, нет! На что содержать тебя прикажешь?!

— Я буду есть один хлеб! И словом тебя не упрекну! Не пожалуюсь! Только с собой возьми!

— Один хлеб! — язвительно передразнил он меня. — Хлеб, вообще-то, тоже денег стоит! Об этом ты подумала?

Что-то он не думал об этом, когда ставил на кон наш дом...

Но я проглотила эти язвительные слова. Мне было страшно. Я отчаянно цеплялась за последнюю возможность уехать из этого города.

— Сухая корка раз в день, — говорю я, заглядывая ему в глаза. — Разве я много прошу? Я разделю с тобой все невзгоды, я...

— Невзгоды? Они настанут, если ты со мной увяжешься! Я из-за тебя не собираюсь нищенствовать, — уже зло продолжил он, накидывая на мою шею веревку и стягивая узел так, чтоб я не смогла высвободить голову из петли.

Из-за меня?! Хорошенькое дело! То есть, во всех бедах я виновата?!

— Так что давай, иди, — он грубо толкнул меня к помосту, с которого велись торги. — Ничего с тобой не случится. Зато в родном городе останешься. При месте будешь. Крыша над головой. И та самая корка хлеба. Чего тебе еще надо?!

В родном городе, где каждый на меня пальцем будет показывать и вспоминать, как я попала в рабство?!

— Я не пойду! Не хочу!

Ведь купить меня может любой. И жестокий тиран, и старый вонючий сластолюбец... Вон они как смотрят на меня из толпы, пуская слюни и облизываясь.

Один противный дед протянул руку, норовя похотливо ухватить меня за задницу. Но я яростно рывкнула, щелкнув зубами.

— Нос откушу! — рычу я. — Только тронь, попробуй!

Старик испуганно взвизгнул, отпрыгнул и неуклюже шлепнулся на зад, ругнувшись.

Хохот взлетает над толпой.

— Горячая какая!

Я сопротивляюсь, но меня оттаскивают от мужа, несмотря на мои вопли.

Упираюсь как могу, торможу ногами.

Дождь хлещет по плечам, невероятно холодно. Одежда прилипла к телу. Под ногами каша из воды и грязи.

А меня все тянут и тянут. Ну совсем как корову или овечку за жесткую веревку, петлей затянутую на шее. Я вцепляюсь в нее ногтями, но узел распустить не могу.

Муж мой стоит в толпе зевак. И делает вид, что меня совсем не знает. Он отворачивает лицо, похохатывает, солидно так перехватывает трубку и рассуждает о погоде.

А от моего перепуганного взгляда отворачивается, словно от бьющего в лицо ледяного ветра.

Рядом стоят его родители.

Почтенный седовласый старик и пожилая женщина с сердитым лицом. Они что-то выговаривают своему сыну, показывая на меня пальцами.

На миг в моем сердце загорается надежда, что им удастся отговорить его от этого постыдного шага.

Я жду, что он все же услышит их слова, совесть в нем проснется. И он заберет меня с этого помоста.

— Ну, я же не животное! Я же живой человек! — кричу я им.

— Какой стыд! — сердито восклицает его мамаша, кутаясь плотнее в шаль. — Из-за ее поведения мы не сможем продать ее подороже!

— Неужели нельзя не кривляться и вести себя смирно и пристойно! — ворчит старик, притворно пряча глазки от людей, словно ему и впрямь стыдно.

Что?!

То есть, они стыдятся за меня, а не за своего непутевого сыночка?!

— Какой стыд! — снова всхлипывает бабка.

— Боюсь, с ее будущим хозяином не удастся договориться, — печально поддакивает ей папаша. — Он не станет нам перечислять ни гроша за ее работу.

— Такая строптивая вряд ли много барышей принесет. Что за бестолковая девка! — подхватывает мамаша.

— Так и помрем в бедности, эх... — тянет старик, сокрушаясь.

То есть, они рассчитывали, что я еще и работать на них буду в рабстве?! Семейство пиявок!

— Денег захотели?! О, видит бог, я вам устрою зажиточную старость!

Старики притворяются оскорбленными и напуганными и хнычут, жалуются окружающим на мое жестокосердие.

До меня долетают обрывки слов, обвинения, которые старики кидают в мой адрес.

— Распутная шлюха! Ленивая дармоедка! Злобная неблагодарная тварь!

Отлично! Прекрасна реклама! Теперь меня только людоед купит!

И тот сварит в семи водах, чтоб не отравиться!

Дождь лупит все сильнее, и ведущий аукциона спешит закончить скорее свою работу.

— Молодая! — раскатисто орет он на всю площадь, дергая меня за веревку и вынуждая выбежать на середину помоста. Холодная вода хлопает, леденит ноги. — Сильная и здоровая! Подойдет для любой работы, — он делает эффектную паузу, подкручивает усы и особо сальным, мерзким голосом продолжает: — И для любви! Всего один серебряный!

Люди у помоста смеются.

Мужчины приосаниваются, посматривают на своих спутниц. И я понимаю, что меня может купить любой из них, лишь бы позабавиться.

Они могут меня бить палками, а могут в плуг запрячь и заставить делать самую грязную работу!

И даже хозяйка борделя! Вон она стоит, с заинтересованным лицом.

О, ужас!

Я оборачиваюсь к расплывшейся толстой «мамке» и строю рожу, оскаливая зубы и кося к носу глаза.

Она отступает, торопливо бормоча ругательства. Нет, такое чудо ей в борделе не нужно. Слава богу...

— Не хочу! Не пойду!

— Ну?! — надрывался ведущий. Дождь хлестал ему по плечам, он замерз и хотел поскорее домой.

Я — тоже.

Но только не к этим монстрам, которые скалятся у помоста.

— Неужто никому не нужна новая молодая жена? Любовница? Работница?!

Наверное, нужна. Но серебряный — это большие деньги для нашего захолустья. И я выдыхаю с облегчением, понимая, что не каждый готов их заплатить за право потискать меня на сеновале.

— Серебряный и пять медных грошей!

Сердце мое уходит в пятки! Это кто там расщедрился?!

Жирный Тони, сальный любитель поесть, тянет руку. Медяки зажаты у него в потной вялой ладони.

— Пять медных сверху! — гудит он, гордясь собой. А сам аж трясется, как холодец, от похоти...

Я обмираю, глядя на его оплывшее лицо. Только не это!..

— Десять медных сверх того! — кричит кто-то позади него.

Ведущий оживляется, сдвигает на затылок шляпу, с которой льет потоками на плечи и на спину.

— Кто больше? — подбадривает он толпу.

— Пятнадцать!.. — слышится отчаянный выкрик, и я зажмуриваюсь.

— Серебряный и пятнадцать раз! — кричит довольный ведущий. — Два!..

— Два серебряных, — перебивает его скрипучий старческий голос. — И больше вам за нее не выручить.

Толпа ахает и расступается.

А я с ужасом смотрю на того, кто предложил за меня такую астрономическую сумму.

Дряхлый тощий старикашка с синим, как слива, носом!

Папаша Якобс, желчный старик в полосатом колпаке, грязных штанах с вытянутыми коленками и в стоптанных старых башмаках.

Я думала, он нищий! Откуда у него пара серебряных?! И зачем ему я?!

Глядя на его морщинистую физиономию, на дрожащие колени и согнутую спину, я так и обмерла. Он что, тоже рассчитывает на... ночь любви?!

Этого еще не хватало!

— Продано! — взревел радостный ведущий и дернул меня за веревку. — Два серебряных за молодую женушку! Эх, завидую я папаше Якобсу! Она славно погрееет его старые косточки сегодня ночью!

— Болван, — проскрипел папаша Якобс и, шлепая растоптанными башмаками, медленно бредет к помосту.

Аукционист от старика получает медяшку — я вижу, как ловко он ловит монету на лету. И тотчас испаряется, не хочет быть свидетелем моих слез и криков.

А вот семейство мужа, кажется, уж совсем толстокожее.

Мой плач их не разжалобил. Уж точно не больше скрипа сухого дерева.

Они сбежались к помосту как волки на запах крови, тянут руки, не обращая внимания на меня и на мои слезы.

Как будто я правда не живое существо. Как будто я не слышу, не вижу и не чувствую! И как будто от моей мольбы можно отмахнуться, как от комариного писка!

От злости я крепко сжимаю зубы и усилием воли прекращаю реветь.

Ни слезинки больше моей не увидят, пиявки!

Муженек мой первый за деньгами прибежал; конечно, важничает, надувается, как индюк. Строит из себя важного господина. А у самого глазки так и бегают, ищут, где у старика карман, набитый деньгами!

— Держите ваше серебро, — скрипит папаша Якобс и протягивает руку за веревкой, на одном конце которой болтаюсь я.

— Мы тоже хозяева! — орут папаша с мамашей наперебой. — Нам, нам!

Муж берет серебряный важно, неторопливо. После он разворачивается, подает старику лист, на котором аукционист написал мое имя, дату покупки и стоимость товара. То есть меня.

И сваливает в закат навсегда, не интересуясь больше моей судьбой.

Мне остается только проводить его взглядом.

А вот его папаша и мамаша за деньги передрались.

Толкались локтями, чуть ли не по рукам друг друга били. Но в итоге мамаша исхитрилась, опередила своего старикана-мужа, ухватила монету трясущейся рукой. Спрятала ее в карман своего платья, прикрыла оборками, и с довольной миной сложила ручки на животе.

— Маловато будет, — заметил папаша с постной миной. Ему денег не досталось, только пара оплеух от любящей супруги. Поэтому вид у него был несчастный и недовольный.

— За ее услуги можно и накинуть, — поддакивает мамаша с довольной ухмылкой. — Она молода, сильна. Проработает долго, даже если не кормить. Посмотрите, какие крепкие у нее плечи! А ноги?! — и она ухватила меня за ляжку, ну точно, как корову. Я с омерзением откинула ее липкие руки от себя. От отвращения меня чуть не вырвало.

— Благодарствую, не нуждаюсь, — каркает папаша Якобс, неприязненно глядя на старуху.

— Вещи ее денег стоят! — почтенный старик, отец мужа, мертвой хваткой вцепляется в мою юбку, и я верещу, понимая, что он сейчас с меня ее стащит. — Извольте заплатить! Или поведете ее голой!

— Конечно, поведу, — парирует папаша Якобс как ни в чем небывало, суковатой палкой как следует треснув старика по руке. — Поведу и голой, и без кожи. Если вы заплатите штраф за непристойное поведение вашего товара, хе-хе-хе... Руки прочь, стервятники! Иначе потратите серебро на врачей!

А старичок-то не так прост, каким кажется! Он совершенно прав; если папаша моего мужа вздумает раздеть меня на площади, его как минимум посадят в кутузку на пару дней.

— Не изволите ли составить контракт? — меж тем пела приятным сладким голоском мамаша. — Будете отчислять нам по половине серебряного в месяц. И тогда она навеки ваша. Выкупить себя не сможет никогда! А вы на всю жизнь приобретаете услужливую и сильную прислугу!

У меня в глазах темнеет от подлого предложения этой старой жабы!

Но папаша Якобс не зря славится своей скупостью на всю округу.

Половина серебряного — это очень много. Он не собирается отдавать такие деньги черт знает кому! А у меня брезжит надежда. Если он не согласен на контракт, значит, я смогу отработать и выкупиться?! И буду свободна?!

— Да черта с два, старая вешалка, — грубо отвечает он. — Можете продолжить торги, если не нравится моя цена. А я дома подожду конца аукциона, — бросил папаша Якобс и потянул меня за веревку, словно скотину. — Ну, пошла! Нам еще до дома добираться!

...Как так вышло, что я оказалась здесь?!

Я четко помню, что еще вчера я закончила кулинарную академию на «отлично».

Все экзамены сданы. Все супы сварены, роскошные блюда приготовлены и оценены по достоинству комиссией.

И я, счастливая, скачу через лужи, прижимая к груди диплом и приглашение работать в самый элитный ресторан города.

Это было просто сбывшейся мечтой. Главным призом, счастливым билетом в жизнь.

Позади меня рыдают побежденные конкурентки, а я несусь, промокшая и счастливая, не чуя под собой ног и не видя опасности.

Я, конечно, не была глупа, и ожидала подвоха от моих однокурсниц.

Они тоже боролись за право работать в этом ресторане. И проиграли. Ну, максимум, что они могли натворить — попробовать подсыпать соли, перца, подлить уксуса, чтоб испортить мне блюдо.

Но всего этого не произошло.

Следили за нашей готовкой очень тщательно, и такой фокус пресекли бы, а саму фокусницу дисквалифицировали бы. Поэтому каждая полагалась только на свое умение.

И я выиграла в честной борьбе!

Но вот к тому, что меня переседут на машине после завершения конкурса, я готова не была...

Что это была за машина — я не рассмотрела. Помню только слепящие фары и сверкающие капли на лобовом стекле.

Я и пискнуть не успела. И испугаться тем более.

Помню только невероятное изумление. Что, серьезно?!

Да, и еще перекошенное от злобы лицо девчонки за рулем. С потеками дешевой туши на щеках.

Оскаленные зубы, отчаянье в каждой черте.

— Ну ты и дура, Катька! — изумленно хотела сказать я, но тут страшный удар смешал меня с вечностью.

Не знаю, сколько времени я в изумлении смотрела на слепящий свет, пытаюсь рассмотреть — рай? Ад? Ну, куда-то же я все-таки попала!

А потом слепящий свет погас, и я обнаружила, что сижу без сил за столом, и все тело ломит.

А сама я одета, как средневековая крестьянка.

И муж — вот этот красноносый человек с остатками волос вокруг блестящей лысины мой муж! — говорит мне, повторяет в который раз, что я должна покинуть дом.

— Дом нам больше не принадлежит! — нудно бубнил он.

А сердце в моей груди билось, едва не разрывая грудную клетку.

И я не понимала, какая я настоящая. Та, что осталась без дома или та, что погибла под колесами машины? Или это только приснилось мне?..

Две жизни крепко сплелись, смешались в моем сознании.

«Второй шанс! — грохотало в моем мозгу. — Второй шанс!»

Хорошенький же шанс, если разобраться. Кажется, я попала...

Глава 2. "Печеное яблоко"

Было темно, когда мы добрались до таверны, где теперь мне предстояло прислуживать. У меня зуб на зуб не попадал, я была насквозь мокрая и грязная. Потому что по пути несколько раз поскальзывалась и валилась прямо в лужи.

Ноги сбила, все тело ломило от холода и усталости.

Папаша Якобс был не суше меня, но хоть не такой грязный. Он шел, словно не замечая колотящего его по спине дождя. Его башмаки уныло шлепали по раскисшей грязи. Рука его то и дело тянула меня за веревку. Если рывок был сильным, я валилась на землю.

Это папашу Якобса останавливало. Он молча ждал, когда я поднимусь, а потом отворачивался и продолжал путь. Молча. Даже не ругался.

Перспективы вырисовывались самые мрачные.

Таверна, куда приволок меня старик, называлась приятно. «Печеное яблоко».

Но, пожалуй, на упомянутое яблоко она походила только одним — коричневым цветом.

Все было закопчено и засалено. Фонари горели тускло, потому что их стекла никто давно не протирал. Огонек был еле виден сквозь крохотный зазор в грязи.

Внутри таверны было холодно и темно, словно тут никто и никогда не жил. Пахло тоже отвратительно.

— К... куда ты меня завел?! — пискнула я, трясаясь и приплясывая, чтоб хоть немного согреться. — Это что за логово дикарей?!

— Больно ты языкастая, — огрызнулся старик, дергая меня за веревку, все так же стягивающую мою шею. — Будешь огрызаться — получишь палки!

— Это что, твой дом?! — ужасаюсь я.

— И твой теперь тоже! — сварливо отвечает старик. — Не нравится? Можешь проваливать на все четыре стороны, вон, в бордель!

Я отрицательно помотала головой.

Если я уйду, то наверняка замерзну под дождем.

Все знают, что меня купил папаша Якобс. Никто к себе не пустит, боясь быть обвиненным в краже.

Дойти до другого города и там найти себе работу у меня шансов нет. Ни денег, ни одежды... Пропаду по дороге, или лихие люди убьют.

Значит, останется папаша Якобс и его уютное гнездышко...

Вербку с моей шеи старик снял аккуратно, прямо-таки благоговейно.

«Плюшкин!» — подумала я, наблюдая, как он развязывает узел, затаив дыхание.

— Что?! — сварливо проскрипел он в ответ на мой изумленный взгляд. — Она целый медяк стоит! А то и два! Хватит тарашиться, иди, погрейся! Завтра у тебя много работы! А ты что думала, я тебя из жалости в свой дом взял?! Ха!

Но «погрейся» — это громко сказано.

Очаг, на который мне указал папаша Якобс, почти прогорел.

Под серой золой еле-еле рдеют угли. Тепла столько, что можно отогреть лишь озябшие ладони, которые я держу над остывающей золой.

Папаша Якобс, ворча и охая, медленно поднялся по лестнице.

И я услышала его храп почти тотчас же, как за ним закрылась скрипучая дверь его спальни.

Да, слышимость тут еще та...

Он что, не раздеваясь повалился спать?!

— Есть хочешь?

Из мрака выступил, как мне показалось, тонкий серый призрак. В его тощей руке болтался фонарь, чуть ярче, чем все остальные.

В другой руке он держал глиняную миску с чем-то непонятным, но явно горячим. От еды шел пар.

— На, поешь. Тут немного осталось от моего ужина. Может, и не наешься, но хоть немного подкрепишь свои силы.

Я накинулась на еду с жадностью, глотая тепло варево с наслаждением. И только когда половина была съедена, я разобралась что это такое.

Чечевичная похлебка, притом очень невкусная. Видно, и масла в нее пожалели, и лук подгорел...

«Призрак» же при ближайшем рассмотрении оказался щуплым пареньком в серой, застиранной одежде. Несмотря на юность и хрупкость, он неувлимо чем-то напоминал папашу Якобса.

«Сын?» — мелькнуло у меня в голове. Но спросить я не смогла; несмотря на то, что суп был отвратительный, я продолжала его жадно глотать, потому что была ужасно голодна. И потому, что это был единственный способ согреться.

— Меня Карл зовут, — доверительно сообщил он, пока я ела. — Я тоже работаю на отца, и ничего страшного в этом нет. Если что, я помогать тебе буду. Вместе не так трудно, да и веселее...

— Спасибо, — пробормотала я, когда тарелка моя опустела, а дрожь перестала бить тело. — Твоему отцу стоило бы поучиться у тебя гостеприимству.

Паренек вздохнул. Его кудлатая голова поникла.

— Он неплохой, — робко произнес мальчишка. Ну да, ну да. Все жертвы домашних тиранов так и говорят! — Просто после того, как не стало мамы, он сильно переменялся...

Даже знать не хочу, что с ней стало.

А то, не дай, Бог расплачусь.

— Я принесу тебе ее вещи, — таинственным шепотом произнес мальчишка, наклонившись ко мне. Наверное, чтоб папаша не услышал. — Они, конечно, не новые, но чистые и сухие...

— Спасибо, — вот сейчас точно разревусь! Что за ангел этот мальчишка, живет в аду, а сердце доброе! Откуда он черпает силы, чтоб оставаться человеком?!

Но я не заревела. Отерла глаза, стиснула зубы. Если уж этот маленький человек так стойко переносит невзгоды, то чем я хуже?!

«Ничего, справлюсь! — храбрясь, думала я. — Прорвемся!»

Мальчишка обернулся быстро, принес мне чистую рубашку и темно-зеленое платье из грубой, но прочной ткани.

— Свою одежду тоже высуши, — наставлял он меня, провожая до закутка, где мне предстояло жить, — почини и береги. Кто знает, когда удастся ее заменить?..
 Отличная новость!

То есть, никогда?!

В темной комнатке, в закутке под лестницей, куда определил меня Карл, было темно и холодно.

Под окном стояла кровать, напротив нее был камин. Его давно не топили, и было неясно вообще, можно ли его топить.

Еще стул был. На нем я тщательно развешала свою мокрую одежду.

Вот, собственно, и вся обстановка...

Желая согреться, я, не раздеваясь, поскорее шмыгнула в постель. Но там было еще холоднее, одеяло было невозможно тонким. Нет, так не годится совершенно!

— Карл! Эй, Карл!

Я выбралась из своего закутка и вышла в пустой зал. Понятия не имею, где у Карла его комната. Но слышимость в доме хорошая, так что он услышит мой зов. Надеюсь.

Но, кажется, у мальчишки даже своей комнаты не было.

Я услышала, как что-то шевельнулось на кухне, чуть гроыхнул котел. Хитрец спал прямо на печи, на остывающих кирпичах.

— Что случилось, — спросил он, и тут же осекся. Не знал, как ко мне обратиться. Имени-то своего я не назвала.

— Адель, — произнесла я, кутаясь в тонкое одеяло. — Зови меня Адель. Карл, почему так холодно?

— Так дрова все вышли, — ответил мальчишка, виновато выглядывая из-за котла.

— Как это вышли? — я так и встала, как вкопанная.

Потому что перед печкой лежала вязанка хвороста и несколько отличных сухих поленьев.

— А это тогда что?

— Это на утро, — ответил Карл, поежившись от ночного холода. — Потерпи еще пару часов. Потом я растоплю печь, когда буду готовить чечевичную похлебку для лесорубов, и станет намного теплее...

Я фыркнула. Пару часов потерпеть! То есть, не спать всю ночь, трястись, а потом весь день вкалывать?! Не удивительно, что у Карла такой изможденный вид!

— Что за бред! — проворчала я. — Ну, ладно —мы. На нас твоему папаше как будто бы плевать. Но сам-то он как спит в таком аду?!

— Так у него есть железная печка в спальне, — ответил Карл робко. — И бутылка самого крепкого самогона...

— Можешь не продолжать, — сказала я. Внутри у меня все так и кипело. Вот же старый сморчок! — Давай-ка лучше печь растопим.

Уж лучше папаша Якобс меня пришибет, чем я окочурюсь в этом холоде!

Карл так и вытаращился на меня.

— Но-о-о-о, — протянул он изумленно, — но если мы растопим теперь, то дров не хватит на то, чтобы приготовить завтрак!

— А это что, — сварливо произнесла я, раскладывая поленья в печи, — последнее топливо?

— Н-нет, — пробормотал Карл, проворно спрыгивая на пол. — Еще целая поленица, н-но...

— Целая поленица! — воскликнула я. — Вот и принесешь оттуда еще дров.

— Н-но... — тянул изумленный мальчишка, глядя, как в печи расцветают языки живительного теплого пламени.

— Что еще?! Ну, не пронумеровал же он их?

— Вообще-то, да.

Я только глаза закатила.

— Невероятно, — пробормотала я.

— О-он, — тут же затараторил Карл, — очень рачительный хозяин! Бережливый! Дрова просто так с неба не валятся!

— А откуда они к вам валятся?

— Так лесорубы расплачиваются ими за похлебку!

— Они даже денег вам не дают? — изумилась я.

Карл стушевался.

— Ну, — неопределенно протянул он, — готовлю-то я не очень, если честно. А им нужно подкрепиться, ведь работать целый день. Моя чечевичная похлебка хоть и невкусна, но сытная. Я не жалею чечевицы. Так что они оставляют по паре поленьев за миску.

— Чудовишно, — выдохнула я. — Ну, что же. Мы попробуем стрясти с них деньги. Деньги-то у них есть?

Карл даже рот раскрыл от такого самоуверенного заявления.

— Да-да-да есть, — даже заикаться начал, бедолага. — Но кто ж нам даст?!

— Дадут, — сказала я, повязывая фартук, что болтался тут же, рядом с печью. — Если добавки захотят. Первая миска за поленья, вторая — за деньги.

— Добавки? — Карл даже дышать перестал. — А ты что, хорошо готовишь?

— Еще как, — усмехнулась я, припоминая свои кулинарные навыки.

Да уж, в элитный ресторан попасть не удалось. Но тут, думаю, мои умения будут намного ценнее. И, может быть, даже помогут выжить мне.

Нам.

Нам с Карлом.

Я взглянула на него еще раз, и сердце кровью облилось.

Ну, ведь это сын папаша Якобса! Как можно было довести своего собственного ребенка до такого жалкого состояния?!

— А чем отец тебе платит за твои услуги? — спросила я, шевеля кочергой пылающие поленья в печи. — Ты говорил — ты на него работаешь. Тоже поленьями?

— Нет, конечно, — мальчишка опустил глаза. — Но кров над головой и еды вволю достаточно за мои никчемные услуги...

— Достаточно! — фыркнула я. — Ты такой тощий, что тебя ветром шатает. И последний вопрос: как в схему вашего существования вписывается папаша Якобс?

— Ну-у, — протянул Карл, и глаза его забегали. — Он встает к полудню и проверяет, исполнена ли работа...

— Дровишки считает, — язвительно поддакнула я. Но Карл моего сарказма не понял и серьезно кивнул головой. — Кормилец, нечего сказать! Ладно, идем, покажешь мне ваши припасы.

Припасов, нужно сказать, у папаша Якобса было немало, что меня приятно удивило.

И чечевица была, и глиняные огромные горшки с маслом, и овощи.

— То-то-только этого трогать нельзя, — сказал Карл, когда я обследовала всю кладовку, всюду сунув нос.

— Прости?! — не поняла я.

— Э-э-это про запас, — пояснил Карл.

— По какой запас?! — взревела я.

Наверху папаша Якобс тревожно захрюкал, зачмокал, переворачиваясь на другой бок, и мы присели, испуганные.

Больше я кричать не пробовала.

— Так про какой запас?! — поинтересовалась я шепотом, но яростно.

Жадность этого господина начинала меня здорово раздражать.

Имея все, он живет как голодранец, да еще и сына голодом морит!

— Ну, — снова затынул свою обычную песню Карл, — вдруг все кончится?!

Я закатила глаза.

— Ни слова больше! — задуманным голосом произнесла я.

Но Карл был неумолим.

— Я однажды попробовал взять, — серьезно произнес он, — немного масла...

— Есть хотелось? — уточнила я. Он кивнул.

— Так вот он обломал палку об мои бока! Это у него строго.

Масло, разлитое в горшки по самое горлышко, стояло на полу, закрытое тряпицей и обвязанное для верности веревкой. Развязать веревку не стоило труда.

Я сунулась в один горшок — боги, да оно прогоркло! Испортилось, не досталось никому!

И еще один горшок постигла такая же участь.

А вот в третьем горшке было все отлично. Хорошее, свежее масло.

— Давай-ка вот что, — сказала я решительно. — Найди камень поглаже и потяжелее. Отмой его как следует и кипятком ополосни.

— Зачем?! — изумился Карл.

— Потом скажу, — решительно ответила я. — А пока покажи, откуда ты берешь чечевичу для похлебки?

На кухне был просто мрак.

Все закопченное, засаленное. Даже готовить в этом хлеву не хотелось.

— Скажи-ка мне, Карл, а чем вы чистите посуду? — я взяла сковороду двумя пальцами. Ручка у нее была омерзительно липкой.

— А? — Карл поднял голову от кадушки с водой, в которой он огромной щеткой тер булыжник. — Чистим?

— Понятно, — с трудом переведя дух и взяв себя в руки, произнесла я. — Песок-то найдется в вашем хозяйстве?

— Этого добра достаточно, — ответил Карл весело.

— Надеюсь, бесплатно? — уточнила я. — Как закончишь с камнем, отчисти-ка эту сковороду, да чтоб блестела!

Сама я принялась за печь.

Все ошметки сгоревшей и засохшей еды я повымела, стряхнула пыль и копоть как сумела. Стало заметно чище и даже как будто бы светлее.

Пол я тоже вымела огромной метлой, бросила сор в печь. Нагрев побольше воды, добавив туда золы и разведя щелок, помыла пол. Благо, кухня совсем небольшая была.

Карл подхватил мои старания. Своей щеткой он ловко надраил до блеска дверцы и стенки шкафчиков, раму окна и даже отмыл старый закопченный фонарь. Тот сразу засветил веселее, и на кухне стало уютно и тепло.

Печь растопилась очень хорошо. Леденящий холод ушел, таверна наполнилась сухим жаром.

— Теперь папаша проспит до самого обеда! — обрадованный такому повороту дел, произнес Карл. — Когда тепло, он спит долго. Может и до вечера продряхнуть.

— Тогда подкинь-ка еще пару поленьев, — велела я хладнокровно. — Пусть дрыхнет хоть до самого утра! Тогда и у нас время отдохнуть будет!

Рабочий стол тоже оставлял желать лучшего. Я плеснула на него кипятка, а затем долго оттирала и скребла ножом, пока дерево, из которого он был сделан, не побелело.

— Ну, вот так-то лучше! — произнесла я, утирая пот со лба и оглядывая приведенную в некоторый порядок кухню. — А теперь давай-ка я научу тебя готовить чечевичную похлебку.

Глава 3. Чечевичная похлебка

Масло из горшка, из которого брать нельзя, я перелила в горшок поменьше, чтоб использовать его в стряпне.

А то папаша Якобс считал, что Карл его тратит много. И настаивал, что достаточно просто смазать сковороду гусиным пером. А потом, после жарки, просто не мыть. Гениально!

Вместо украденного масла я опустила в горшок ошпаренный сто раз кипятком камень.

Бульк! — и масла снова стало столько же, как и было.

— Учись, студент! — гордо сказала я.

— О-о-о! — благоговейно протянул Карл. Будто я ему показала невероятный фокус. — А ведь и верно. Папаша только постучит, услышит, что горшок полон, да и успокоится на этом.

— Что ж ты до такой простой штуки сам не додумался! — укорила я его. Мы снова закрыли горшок тканью и навязали узелков на бечевке, чтобы папаша Якобс ничего не заметил. — Тебе надо бы быть похитрее.

Карл тяжело вздохнул.

— Не умею я, — ответил он с простодушной грустью. — Папаша говорит, что я родился дураком.

— Сам он дурак, — сердито отозвалась я. — Столько продуктов загубил! Мука в камень слежалась. Масло испортилось. А он считает, что экономит?

— И все же, — задумчиво произнес Карл, — папаша с нас шкуру спустит за дрова. Погреться, конечно, хорошо. И оно того стоило. Но...

— Не спустит.

— А что мы ему скажем? Как оправдаемся? В кражу он не поверит. Да и не сумею я ему наврать...

— Меня держись, пацан. Не умеешь врать — ну и не берись. Я буду говорит, а ты только поддакивай. И все. Ты ж молодой хозяин! Работу мне задавал, я работала. Ну, идем, наварим похлебки.

Итак, блюдо дня — чечевичная похлебка с морковью и луком.

Дано: не ресторан, конечно, далеко не ресторан.

Но, пожалуй, надо относиться к этому заведению как раз наоборот. Как к самому лучшему ресторану города! Ведь какая у меня цель? Накормить клиентов как можно лучше, чтобы они захотели прийти еще.

И чтобы они заплатили деньгами, а не хворостом и дровами.

Полагаю, и дрова-то они давали Карлу из жалости. По сути, крутится-то мальчишка тут один, а папаша его только дрыхнет да пьянствует...

— Карл, как сделать так, чтоб твой папаша проспал до вечера? — спросила я, промывая чечевицу.

— Я же сказал. Когда так тепло и хорошо, он спит непробудно.

— Должно быть, — проворчала я, — если он попадет в ад, то и не заметит этого. Проспит все вечные мучения!

— Это вряд ли, — философски заметил Карл. — В аду-то ему самогона не нальют.

— А, так еще и самогон нужен?

— Ну да. Он спит до тех пор, пока бутыль не опорожнит. Проснется — глотнет — и снова спать.

— А потом?

— А потом просыпается, а самогона нет. Тогда он спускается, проверяет, сделана ли работа...

— Поленья пересчитывает, — подсказала я.

Карл кивнул.

— Масло проверяет, муку и крупу, — продолжил он. — Обедает и дает мне монетку-другую, чтоб я принёс ему еще самогона.

— А где он берет монеты, если платят вам поленьями?

Карл пожал плечами.

— Вот этого я не знаю.

— Тайник есть у него?

— Это вряд ли. Я убираюсь в его комнате, я знаю там каждый камешек в кладке. Нет там тайника.

И однако, где-то же папаша Якобс деньги берет... За меня вот парой серебряных заплатил. Интересненько.

— Карл, скажи мне как художник художнику: ты рисовать умеешь?

— Чего?! — Карл поднял голову от лука, который чистил. В его больших наивных глазах стояли слезы.

Лук хороший был, сочный, ядреный. Так и хрупал под ножом, тек прозрачным луковым соком.

— Я не художник, — осторожно напомнил мне Карл, глядя на меня, как на шибанутую. Наверное, подумал, что я медленно съезжаю с катушек. — И ты тоже.

М-да, это явно не тот человек, который смог бы оценить мою шутку.

Все время забываю, где я. Это очень странно — чувствовать себя одновременно и Аделью, проданной женушкой непутевого игрока, и... не Аделью. А практически без пяти минут шеф-поваром элитного ресторана!

— Ничего, — произнесла я, отнимая у него нож и корзинку с луковицами. — Найди доску крепче и пошире, отмой ее хорошенько, и углем на ней нарисуй тарелку с дымящимся супом. Сумеешь?

— Эта подойдет?

Карл указал мне вполне себе приличную стойку-штендер, висящую на стене. Я ее не заметила, потому что она была равномерно пыльная и сливалась с окружающим ландшафтом.

М-да, этой таверне не помешает генеральная уборка...

— Это то, что нужно! — заверила я мальчишку. — Ну, а рисовать-то ты сможешь?

— Да, — легко ответил Карл. — Помню, матушка рисовала на ней и чашки, и тыквы. И меня немного учила. И писать тоже! Но это умение вряд ли пригодится, здесь читать никто не умеет.

— Даже твой отец?

— Он первый. Говорил всегда, что важнее уметь считать. А пишут только дураки.

— Ну-ну, — протянула я. — Давай-ка, все равно напиши.

— Что?

— «Блюдо дня! Чечевичная похлебка с чесноком!»

— Это и так все знают.

— Не спорь!

В общем, пока я чистила лук, Карл трудился над оформлением первого в нашем заведении меню.

И вышло у него вполне неплохо.

Я же тем временем начистила и нашинковала лук, нарезала соломкой морковь.

Морковь тоже была на загляденье. Крепкая, ярко-оранжевая, сочная. Я не удержалась и попробовала несколько соломинок. М-м-м, сладкая какая!

Как из таких вкусных овощей можно было приготовить невкусный суп?! У Карла определенно талант...

— Как ловко у тебя получается! — изумился Карл, подходя посмотреть, что я там делаю.
— Я б возился битый час!

— Мастерство не пропьешь! — хмыкнула я. Карл с удивлением посмотрел на меня:

— Ты выпить любишь? А по твоему виду не скажешь...

Я так и покатила со смеху.

— Да нет, конечно. Не люблю я выпить. Это просто... ну, поговорка такая. Вроде шутки.

— А, про художника тоже?

— А ты сообразительный, Карл! Зря папаша на тебя дураком обзывается. И про художника тоже!

В большом котле, который мы кое-как отмыли вдвоем, на ослепительно-желтом, приятно пахнущем семечками, масле я поставила тушить лук и морковь. Масло стало оранжевым, закипело пузырями.

Карл под моим чутким руководством из запасов папаша Якобса набрал самых спелых помидоров. Ошпарил их кипятком и содрал с них шкурку, а я мелко нарезала, изрубила их в кашу, и отправила в котел. Немного посолила. Добавила несколько крупинок желтого сахара, что громыхали одиноко в горшочке.

«Вместо томатной пасты», — подумала я. Тут-то такой приправы взять было неоткуда!

Овощи жирно чавкали в котле, протушиваясь в собственном соку. Я помешивала их деревянной ложкой с длинной ручкой. А Карл, промывая чечевицу вдвое больше обычной порции, слюнки глотал.

— Как вкусно пахнет! — восторгался он. — Неужто это просто лук и морковка? И они бывают такие вкусные?!

— Еще как бывают, — усмехнулась я. — Ну, готово у тебя? Давай, сыпь сюда!

Карл засыпал чечевицы в котел. Над котлом поднялся душистый пар, и я налила воды в варево.

Оранжевое масло, блестя, всплыло наверх, а вода закипела ключом у горячих стенок.

Я чуть посолила нашу похлебку и накрыла крышкой, а Карл снова гулко сглотнул и облизнулся.

Мальчишка был голоден, ведь свой ужин он мне отдал.

— Ничего, — посмеиваясь, сказала я. — Потерпи немного. Скоро поешь вдоволь!

Пока чечевица варилась, мы с Карлом почистили несколько головок остро пахнущего чеснока и тоже кинули их в варево. Ну, и заключительным штрихом я кое-как порезала черствый, почти засохший каравай на мелкие кубики.

— Добавлять в каждую тарелку по несколько штук! — строго наказала я Карлу.

Похлебка вышла красивая, оранжевая, приятно пахнущая чесноком, с небольшой кислинкой томатов. Жаль, приправ не было. А то суп пах бы сильнее.

Я намеренно чуть передержала ее, чтоб чечевица разварилась сильнее. Ведь истолочь ее в пюре мне было нечем. Но, надеюсь, у лесорубов все хорошо с зубами, и они прожуют мягкие зерна?

Досолив как следует, я перемешала похлебку, отчего по всему дому поплыл густой, вкусный запах.

— Ну, неси чашку, Карл! — весело велела я. — Будешь снимать пробу!

Карла дважды упрашивать было не надо. Он мигом принес свою миску, и я щедро зачерпнула похлебки и налила ему огненного цвета суп до краев!

Карл даже заплясал от радости, когда я ему сыпанула горстью сухариков и вручила ложку.

Он тотчас принялся есть, хотя похлебка была еще очень горяча.

— погоди! сливок бы сюда, — всполошилась я. — Тогда будет вкуснее и не так горячо!

Я метнулась к шкафчику с приправами за сливками.

И в этот миг дверь таверны открылась, и вошел мой первый посетитель!

В глазах потемнело, сердце от волнения едва не выскочило из груди. Но я поспешила ему навстречу, восторженно и испуганно ахая.

Это, конечно, был не магнат кампании-гиганта. От него не пахло дорогим одеколоном, и ботинки у него были совсем не лаковые.

С плеча он сбросил у входа пару сучковатых поленьев и зарычал — наверное, это приветствие у него такое. Или говорить он не умеет. Или разучился — с кем там особо болтать, в лесу-то.

Это был самый brutальный и самый грязный мужик, какого я видела! Видимо, угольщик. Его одежда была местами закопчена, а от войлочной шляпы несло гарью и дымом.

Ручищи его были огромны и волосаты.

На плече огромный топор.

Лицо пересечено огромным шрамом.

И до бровей заросло жесткой бородицей!

Лоб его был низкий, массивный, как у неандертальца. Об него разбивались любые вопросы и, конечно, неловко отскочившие от дерева топоры!

Он шумно протопал к столу, плюхнулся шумно на лавку и молча уставился на меня.

Но я расцвела, словно передо мной был мультимиллионер.

— Доброго утра, мастер... — тут я замешкалась, но Карл, спешно дохлебывающий свой суп, пришел мне на помощь.

— Бьёрн, — подсказал он мне, и я заулыбалась еще шире.

— Бьёрн, — повторила я. — Какое чудесное имя!

— Ы-ы-ы, — произнес Бьёрн, скаля в приветливой улыбке широкие, как пенки, но редкие, как березы в сосняке, зубы.

Его шляпа, приподнятая мощными бровями, съехала со лба на затылок. А я увидела чистые голубые глаза угольщика. И неподдельный интерес в них.

— Чего пожелаете, Бьёрн?

— Ы!

— Как обычно, — перевел Карл, вылизывая миску. — Горяченькой похлебки перед работой.

Я тотчас метнулась к печи, на которой все еще побулькивал мой суп.

— Первая тарелка за поленья, — игриво произнесла я, наполняя миску едой и доливая в нее сливок. — Вторая за деньги.

— Ы, — равнодушно ответил Бьёрн, пожимая плечами.

Он не понял, к чему ему эта информация. Обычной порции варева Карла ему было достаточно, а за мои прелести и заигрывания он не готов был платить звонкой монетой.

— Характер выдержанный, нордический, — пробормотала я. — Скорее всего, женат...

Но ему, разумеется, я ничего такого не озвучила. А только мило улыбнулась.

— Приятного аппетита! — я сыпанула горкой сухарей ему в суп и поспешно отнесла миску ему.

У Бьёрна была своя ложка. Большая, вырезанная из дерева. И он обстоятельно облизал ее перед использованием со всех сторон.

Затем придвинул миску к себе, помешал ею порядком посветлевший от сливок суп, и принялся есть.

Но что-то пошло не так.

С каждым глотком его брови карабкались все выше и выше, сдвигая со взмокшего лба шляпу все дальше на затылок. Глаза его становились все шире и шире, а рука работала ложкой все чаще.

Звон ложки о миску был похож на галоп маленького пони.

— Что... — хрипло выдохнул он, наконец, в рекордно короткий срок управившись с похлебкой. — Что это такое?

О как. И говорить умеет.

— Как что? — притворно удивилась я. — Чечевичная похлебка!

— Еще! — решительно потребовал Бьёрн, утерев ручищей усы.

— За деньги, — мягко, но непреклонно напомнила я с вежливой улыбкой. — Два медяка!

Берн полез куда-то за пазуху и долго там копался. Затем вытянул на свет божий кошель, перетянутый шнурком, и из него ловко выкинул две монеты. Которые я с неменьшей ловкостью поймала.

Шумно ахнул Карл.

— Что же ты смотришь, Карл, — сладко проворковала я. — Угощай нашего гостя!

И с загадочной улыбкой уплыла на кухню.

Дверь снова открылась, и в таверну зашло сразу несколько посетителей. Вот так улов!

— БИ-ы-ы! — ту же завопил Бьёрн, спеша поделиться новостями. Он так махал руками, что вновь пришедшие подошли к нему с опаской.

Но все же осмелились.

Склонились к его тарелке, подозрительно нюхая варево.

Расторопный Карл уже тащил миски, и я, вылив сливки в котел, размешала их там как следует. А упаковку отправила в печь, в огонь.

— Первая миска за дрова, — повторила я, наполняя подставленную посуду похлебкой. — Вторая за деньги!

— Еще! — выкрикнул несдержанный Бьёрн, звонко прихлопнул ладонью по столу пару монет.

Я улыбнулась ему как можно более нежно и приветливо и перевела дух. Ну, слава богу! Папаша Якобс получит обратно свои поленья, да еще и денег сверх того.

Очумевший от радости Карл сгреб медяки и помчался наливать ему еще супа.

И только тут до меня дошло...

А ГДЕ Я ВЗЯЛА СЛИВКИ?!

Эта мысль окатила мои нервы кипятком.

А?!

Где я взяла сливки?!

Я рванула к печи, распахнула дверку в ее пылающее нутро...

Но там было лишь всепожирающее пламя, алые угли и рдеющая зола. Упаковка, если она и была, сгорела дотла.

На миг мне показалось, что голова моя отделяется от тела и кубарем катится в угол, а мир вращается перед глазами.

Я чуть в обморок не упала, понимая, что со мной произошло то, чего не могло произойти.

От волнения я присела прямо у печки. Спрятала пылающее лицо в ладонях.

Я как-то справилась с тем, что в голове у меня двоится, с тем, что я попала сюда из какого-то другого мира. Ну, или что у меня крыша поехала от горя — шутка ли, муж-игрок! Пустил по миру!

Я просто заставила себя об этом не думать. Чтобы окончательно не свихнуться.

В конце концов, это раздвоение личности можно объяснить сильным стрессом. Это всего лишь мысли, сны, галлюцинации, фантазии. Их нельзя пощупать!

А пакет с первосортными сливками — можно.

И попробовать с похлебкой тоже можно. Вон она, подбеленная ими, жирно блестит в мисках!

Но сливок не должно было быть в обшарпанном шкафчике папаши Якобса!

Немного успокоившись, я взяла себя в руки и попыталась восстановить в памяти события.

Итак, горячая похлебка в миске Карла дымится. Она жирная, насыщенного оранжево-красного цвета. Приятно и тонко пахнет вареным чесноком.

Я вспоминаю о сливках. Понимаю, что их в похлебке не хватает, и решают добавить.

Представляю себе упаковку. Белая такая, гладкая, с синим логотипом.

Сливки в ней густые и жирные. Сладковатые. Прохладные. Самые лучшие.

Если налить в кружку этих сливок и отрезать горбушку белого, свежего, хрустящего, еще теплого хлеба, то можно зык проглотить — так это вкусно.

Все это проносится в моей голове вихрем. Я думаю об этом автоматически. Иду к шкафчику, открываю старенькую, потемневшую от времени деревянную дверцу. И просто беру сливки.

Они стояли там, дожидаясь, когда их возьму.

Будто заколдованные.

— Что за чертовщина тут творится?!

Я снова подскочила, снова бросилась к шкафчику и с видом убийцы распахнула его хлипкие дверцы.

Разумеется, ничего эдакого там не было. Никаких сливок, и ничего необычного вообще.

Только грязноватые полупустые банки стоят рядом...

— Ерунда какая, боже мой...

Я снова закрыла лицо руками.

— Тебе плохо, Адель?

Карл деликатно тронул меня за плечо.

Пока я тут металась со своими чувствами, он успел накормить всех гостей, отмыть за ними миски — право же, это было легко, потому что бравые работяги разве что не вылизали их, — и теперь подметал пол, довольный тем, что нам удалось столько заработать.

— Нет, — слабо прошептала я, отнимая ладони от лица. — Просто что-то устала...

— Ну, еще бы! — с энтузиазмом воскликнул Карл. Его бесхитростное лицо прямо-таки светилось от счастья. — Мы столько заработали, столько!..

— Сколько?

Голос папаши Якобса стер с лица мальчишки счастливую улыбку, и Карл затравленно оглянулся.

Вопреки всем его прогнозам, хозяин заведения не проспал полдня, пьяный.

Наоборот, он поднялся что-то слишком рано. И стоял теперь на лестнице, злобный, красноносый, с разъяренными глазами. От взгляда отца Карл сразу съежился, втянул голову в плечи, затаился.

И я сразу позабыла и своих душевных метаний и собрала свою раздваивающуюся личность воедино.

И эта личность надрывно кричала — беги-и-и! Но бежать было некуда.

— Паршивец! — задыхаясь от ярости, выдохнул папаша Якобс. Его всклоченные седые бакенбарды стояли дыбом от ярости. — Ты что, думал, я не замечу, что ты потратил дров вдвое больше?! Поленицу хорошо видно из моего окна!

— Но сударь, — твердо вступилась я за мальчишку, — вот же дрова!

И я указала на кучу поленьев, что оставили лесорубы. Карл их аккуратно перенес в тепло, поближе к горячей печи, чтоб до вечера они просохли.

Папаша Якобс перевел злобный взгляд на меня и осклабился.

— Дурная девчонка! — проговорил он радостно. — Ты, верно, дурнее этого недоноска, раз не понимаешь, что это — плата за завтрак? И ее слишком мало, чтобы покрыть мои убытки!

Здесь должно быть вдвое больше дров, понимаешь, идиотка?! Вы тут устроили адово пламя, пожгли кучу топлива, и сработали мне в убыток!

— Но это не так! — горячо выкрикнул Карл. Он расправил плечи, бросил метлу и запустил руку в карман. — Смотрите, батюшка! За завтрак, сверх дров, нам дали много денег!

Он выгреб все медяки, и протянул их отцу на раскрытой ладони.

— Смотрите! — повторил он радостно. — Это втрое больше того, чем мы потратили! Это окупит и дрова, и крупу, и...

Но его радостную речь прервала звонкая и безжалостная оплеуха.

Старик, словно змея, кинулся вперед. Он выхватил эти несчастные гроши из руки мальчишки и ударил его. Да так, что Карл вскрикнул и покатился по полу.

— За что бьёте!? — закричала я, кинувшись к рыдающему Карлу.

И тоже получила затрещину, да такую, что в ушах зазвенело.

— За что?! — прошептала я, обнаружив, что сижу в куче золы, а лицо мое пылает и ноет от боли.

— Как вы посмели! — проревел папаша Якобс, жадными руками перебирая медяки так, словно это алмазы чистой воды. — Вы!.. Вы обворовали меня!.. Вы забрались ко мне в комнату и украли мои деньги! И у вас наглости хватает говорить, что вы заработали их!..

— Но мы их заработали! — заводясь, выкрикнула я.

— Замолчи, гадкая девчонка! — задушено просипел папаша Якобс, потрясая пальцем у моего носа. — Замолчи! Вы украли! Нет, это не он, — папаша с презрением глянул на собственного сына и ткнул его в бок тяжелым башмаком. — У этого ничтожества не хватило б ума и наглости. Это ты, мерзкая девчонка!

— Я?!

— Ты, ты! На базаре о тебе говорили много всякой гадости, — Якобс мерзко захихикал. — Ты думала, я не слышал?! Грязная воровка! Да я тебя в печи запру и испеку до румяной корочки!

— Что?!

— До смерти засеку! — шипел этот садист, надвигаясь на меня. Его красная рожа так и тряслась от злости. — Ты что, думаешь, я просто так потратил пару серебряных?! Это ты меня кормить должна, а не наоборот! Думала пожить в моих карманах?! Думала, тебе сойдет с рук твое воровство?!

Он ухватил нож со стола и ткнул им в мою сторону.

— Я вам сейчас пальцы отрублю! — прорычал он. — Чтоб не смели трогать моих денег!

— Мы не крали, — рыдал Карл. Его радость улетучилась, и у меня сердце сжалось от боли — сколько ж отчаяния было в его плаче! — Вы же заперлись на замок, отец... Как бы мы вошли?!

Этот аргумент отрезвил размахивающего кулаками папашу Якобса.

Не знаю, что там у него за замок, но, видимо, хозяин таверны думал, что таким двум недотепам его отпереть не под силу.

— Хм, хм, — пробормотал он, поглаживая небритый щетинистый подбородок. — В самом деле... Хм, хм...

Он еще раз глянул на медяки в его руке, понимая, что они действительно заработаны. И заработок действительно хорош.

Откинул нож на стол и поскреб в плешистой голове.

— Заработали?! Столько?!

Я перевела дух. Наверное, я ожидала еще и того, что хозяин извинится. Ну, хотя б скажет, что погорячился спрсонья. Но не тут-то было!

Он еще раз ткнул Карла в бок ботинком, пребольно, так, что несчастный снова жалобно вскрикнул и зашелся в рыданиях, а мне влепил еще одну пощечину, да так, что в голове колокола зазвенели!

— Мелкий выродок! — прошипел папаша Якобс с ненавистью. — Завтра чтоб вдвое больше этого было, понял?!

И он неспешно и тяжело поднялся по лестнице и снова исчез в своей комнате.

Когда за отцом закрылась дверь, Карл дал волю чувствам.

Он разревелся пуще прежнего, так, что у меня чуть сердце не разорвалось от жалости.

— За что?! — горько причитал мальчишка, утирая мокрые щеки. — За что он меня так не любит?! Почему я такой дурак, что собственный отец меня ненавидит?!

Тут и у меня слезы брызнули из глаз. Сил не было видеть, как страдает это доброе маленькое несчастное существо!

Я обняла его, прижала его к себе, и он доверчиво уткнулся мне в плечо, выплакивая свое горе.

— Ты не дурак, — сказала я уверенно, баюкая и утешая его. — И не любит он не тебя за то, что ты лучше него, а не потому, что ты дурак! Ты... ты очень хороший и добрый, Карл. Не надо винить себя за то, что он тебя не любит. Ты в том не виноват. Просто люди бывают... злые. Без причины.

— Но-но-но, — от слез Карл начал заикаться. — Но я так хотел бы, чтоб он меня любил! И хоть изредка ласково смотрел на меня! Разве я много прошу?!

— Разумеется, нет, — утешила я его. — Это совсем немного.

— Завтра он засечет меня до смерти, — прошептал Карл обреченно. — Денег не будет, и я...

— Будут, — твердо ответила ему я. — Все у нас будет! Уж я постараюсь!

Он недоверчиво глянул на меня.

— Ну что? Ты и сегодня не верил, что нам заплатят, — сказала я твердо.

— Не верил, — всхлипнул он, успокаиваясь.

— Ну вот утри свои слезы, — сказала я ему. — Все у нас будет хорошо!

Я говорила эти слова утешения и ободрения, а у самой поджилки тряслись.

Не-не-не-не, мне тут не нравится! Как бы выбраться отсюда поскорее, пока папаша Якобс не спустил с меня шкуру?!

Глава 4. Волшебный шкафчик

Карл быстро утешился.

Точнее, плакать перестал, утер слезы, и снова взялся за метлу, шмыгая носом и время от времени тяжело вздыхая. Сердце-то его как было разбито, так и осталось...

А у меня мозг закипал. Мысли метались в поисках выхода.

Нет, тут долго жить невозможно!

— Карл, а как мне выкупить свободу у твоего отца?

Паренек посмотрел на меня самым несчастным взглядом, на какой только был способен.

— И ты меня покинуть хочешь, — с тяжким вздохом произнес он. — Никому я не нужен и не дорог...

— Нет, нет, что ты! — с жаром воскликнула я. — Я тебя не оставлю, обещаю! Даже если я уйду отсюда, я... я... тебя с собой заберу!

Карл грустно улыбнулся.

— Да на что я тебе, — сказал он уже веселее. Мое желание его освободить от папашы показалось ему забавным. — Бестолковый, еще и делать ничего не умею... Но спасибо за твою теплоту.

— Нет, нет, нет, я не пошутила! — я даже ногой топнула. — Я была бы рада твоей помощи и поддержке, если б стала свободной и смогла бы... ну, например, свое дело открыть! Вдвоем у нас вышло бы быстрее и лучше. И кто сказал тебе, что ты бесполезный? Папаша твой? Да он же едет на твою горбу! Ну, не умеешь ты готовить — так тебя никто и не обучал. Зато остальное ты умеешь.

Карл расцвел от моих немудреных похвал, спрятал смущенно глаза.

— Ты исполнительный, не ленивый. На тебя положиться можно! Это дорогого стоит. Так что не слушай папашу, слушай меня. Твои услуги очень дорого стоят. Ты мог бы и сам наняться к кому угодно. Притом не за тумачи, а за деньги. Кстати, почему ты этого не делаешь?

Мальчишка пожал плечами.

— Но такова воля моей покойной матушки, — ответил он. — Она хотела, чтобы я всегда тут жил.

Так-так.

А это папахивает тем, что таверну-то мать завещала не мужу, не папаше Якобсу, а именно Карлу! Поэтому папаша и не гонит сына отсюда.

— Это была ее таверна?

— Да.

Так-так-так...

— И писать мама твоя умела? Наверняка завещание оставила?

Карл пожал плечами.

— Наверное.

— Но ты его не видел?

— Отец сказал, что оно не для меня написано.

Так-так-так!

Побег отменяется. По крайней мере, до тех пор, пока не найду подтверждение моим догадкам.

Но вот от папашы Якобса избавиться нужно. Если дом и принадлежит Карлу, то купил-то меня папаша. И если он уйдет, то утащит меня за веревку, как козу. Так что сначала свобода, а потом справедливость, равенство и братство!

— Так как мне освободиться?

— Об этом лучше у него самого спросить, — ответил Карл неуверенно. — Я слышал, что можно выкупить самого себя за ту плату, что назначит хозяин. Но я же не знаю, сколько денег он с тебя попросит.

— Что-то рановато на свободу захотела!

Я так и подпрыгнула. Что за манера у этого папаша Якобса — подкрадываться незаметно и говорить подлым змеиным голосом!

Если б метла была не у Карла, а у меня, я б с воплем шарахнула ею подкравшегося хозяина. От неожиданности. А так просто нервно вздрогнула.

Папаша Якобс был доволен.

Кажется, он доел остатки чечевичной похлебки. Его щетинистая физиономия была испачкана оранжево-желтым, словно он ел, опустив лицо в миску. Как свин.

Он чавкал и пальцем отирал остатки супа со стенок миски. А потом отправлял их в рот. Фу.

— Любой человек жаждет вернуть утраченную свободу, — как можно тверже произнесла я, смело глядя на папашу Якобса.

— Я взял тебя не для того, чтоб выпустить волной птишкой в свет! — сердито ответил он, отирая грязную руку об живот. — Ты видишь, что здесь все в упадке? Женской руки тут не хватает! Нужно все отмыть, привести в порядок!

— Отмою, — не моргнув глазом, ответила я.

— Но это еще не все! — желчно продолжил старикашка. — Помимо уборки еще готовка... Ты, стало быть, хорошая стряпуха?

— Лучшая в городе, мастер Якобс, — не моргнув глазом ответила я.

— Значит, деньги не украла, а заработала, гхм, — похоже, паранойя Якобса поутихла. Он отведал моего супа и поверил, что заработать я и вправду могу. — Значит, так. Хочешь на свободу усвистать? Изволь! Кроме ежедневной работы здесь верни мне потраченное на тебя на торгах — пару серебряных. Да содержание твое, еще пару, да кров над головой, да... словом, дюжина серебра!

У меня в глазах потемнело. Дюжина серебряных! Это где ж их взять!

— Ну, еще перемыть тут все, перечистить, — продолжал папаша Якобс. — Ну, чего встала? Быстрее исполнишь все, быстрее освободишься! За работу давай принимайся, лентяйка!

Он обернулся к Карлу, покопался в кармане грязных штанов и вынул пару монеток.

— Живо тащи мне самогону! — рявкнул он на сына, кинув ему деньги. — Да смотрите мне! Ужин погано приготовите — шкуру спушу с обоих!

И, шаркая ногами, побрел в свою комнату.

Вот же жадный старикашка! Уборка, готовка, и прочие услуги

Двенадцать серебряшек, двенадцать! Откуда столько взять?!

Положа руку на сердце, это было чересчур много.

На десять серебряных можно было купить маленький, но приличный домик. На оставшиеся два — корову или пару молочных коз. Молоко продавать, уже с голода не помрешь.

Откуда бы мне, несчастной служанке, столько денег взять?!

И утащить у папаша Якобса не получится. Он прекрасно считал. Он знал, сколько лесорубов к нам заходит, мог посчитать, сколько они денег оставят. Да еще и дрова... по дровам тоже мог определить, сколько гостей заходило.

Вот как тут заработать?!

— Не грусти, — робко ободрил меня Карл. — Я тут подумал... Ты права. Если я устроюсь к кому-то работать, ну, например, на ночь, то мы сможем набрать нужную сумму.

Я обняла Карла, чуть не расплакавшись.

— Добрый ты человек! — прошептала я. — Но ты итак устаешь. Не нужно еще больше тянуть из себя жилы. Нет; я что-нибудь придумаю.

— Да что ж тут придумаешь, — произнес Карл, тяжело вздохнув.

— Моя забота! — ответила я. — Ну, беги за самогоном! Нам бы отдохнуть немного, а потом ужин готовить. И лучше бы чтоб папаша твой не стоял у меня над душой!

Карл ушел, а я налила в ведро воды погорячей, взяла щетку и принялась убираться.

Ведь лучше всего мне думалось, когда я работаю. Тогда излишняя энергия, подогревающая мне котелок до состояния закипания, уходила в движения. И думалось продуктивнее.

Таверна, и верно, была закопчена и засалена донельзя. Я яростно терла и терла стены, собирала грязную воду, текущую по дереву, и снова принималась шоркать щеткой.

Вымела всех невинных пауков вместе с их паутинами из углов — извините, ребята, вам тут не место!

Отскоблила столы и лавки, окатила их кипятком. Миски и чашки замочила в бадье со щелоком. С пола отскребла грязь, яростно работая щеткой. Да так, что на мокрых досках ни песчинки не осталось.

Словом, к обеду я отмыла зал. С меня сошло семь потов. В таверне пахло чистотой и влажным деревом. Чистая, словно новая посуда, была расставлена по полкам.

А я так и не придумала, что делать.

Признаюсь, меня охватило отчаяние.

Я очень устала, спать хотелось, руки тряслись. Если я так буду каждый день урабатываться, то о какой подработке может идти речь? Нет, не смогу...

От отчаяния и злости перешла снова на кухню, принялась драить шкафчики и всякие банки из-под специй.

Вот ведь тоже задачка! Сливки эти!

— А что, — робко предложила я, — если шкаф желания выполняет? Ну, вот со сливками же сработало! Шкаф, дай мне денег, что ли!

Я открыла дверцу.

Ничего там не было. Мокрые полки и рядок стеклянных банок.

— Ну, ладно, — проворчала я, закрывая дверцу. — Не просто денег! Двенадцать серебряных мне надо! Давай!

Я зажмурилась, досчитала до ста, открыла глаза, распахнула дверцу, и...

Ничего.

Пусто.

— Ну, я же не сумасшедшая, — чуть не плача, пробормотала я. — Сливки были, это точно! Я помню, как лила их в котел, как размешивала! Ну, что тебе стоит, шкаф?!

Нет, может, я все же чокнулась? Стою, со шкафом разговариваю... Денег у него прошу...

Даже банкомат так просто денег не даст! Там карта нужна.

А тут шкаф сдохлыми мухами.

Я захлопнула дверцу шкафа, прислонилась к нему пылающим лбом и задумалась.

Неужто нет выхода, и придется воспользоваться щедрым предложением Карла? Заставить мальчишку надрываться на двух работах? Нет, конечно, я б его прикрыла тут, в таверне. Все дела б за него делала. Дрова вон рубила б! Но он, такой худой и хрупкий, долго ли продержится?

Он вечно голоден.

Недоедает, наверное, со смерти матери. А может, папаша его не кормил и во время ее болезни. Как давно Карл видел мясо?

Наверное, очень давно.

Нет, если б он регулярно хорошо питался, тогда силенок у него было б побольше. И тогда можно было б принять его помощь. И не стыдно. Но его надо откармливать полгода, прежде чем он хотя б на человека станет похож.

И то — одним только чистым мясом.

Например, окороком. С хлебом и с теми же самыми сливками.

Воображение тотчас нарисовало мне морозный парок в холодильнике, где на огромной фарфоровой тарелке лежал копченый свиной окорок, перетянутый крепкими нитками.

Он соблазнительно пах копченостями, дымком и травами. Шкурка у него была темно-коричневая, жёсткая. Под ней — тонкая прослойка нежного салца, кое-где сварившегося до холодца.

А само мясо, сочное, со слезой, розоватое к середине, прозрачное, если его нарезать тонко-тонко, пахнет неповторимым запахом копильни, дыма, чеснока. Его можно разобрать по волокнышку, тоньше нити. И бутерброд с ним будет такой вкусный...

В лоб мне пахнуло холодом, и я даже вздрогнула.

— Что за черт? — пробормотала я, отчетливо уловив характерный запах холодильника и услышав звук работающего компрессора.

Распахнув шкаф, я не поверила своим глазам.

За деревянными дверцами шкафа действительно был холодильник.

И посередине него стояла тарелка с окороком!

А на боковой полке опять-таки нужные мне сливки...

За моей спиной раздался грохот.

То Карл уронил на пол принесенный бутыль с самогоном, увидев разверстые ворота рая — холодильника.

Разумеется, бутыль он разбил.

Но изумление его было столь велико, что он даже не испугался гнева отца.

— Это... — бормотал он, указывая дрожащим пальцем на свет, исходящий из холодильника. — Это...

— Ты видишь то же, что и я? — осторожно спросила я. И покосилась на окорок.

— Чудо! — прошептал Карл.

Ага. То есть, я не сошла с ума. И сливки мне не привиделись.

Как, впрочем, и сбившая меня машина... К сожалению.

Размышления мои касательно моего попаданства в этот мир и окна в мой собственный прервал рев папаши Якобса. Он явно услышал шум внизу. Да еще и спирт унюхал наверняка!

— Поганый мальчишка! — раздался сверху рев старика. — Где ты там ходишь?! Я дождусь сегодня свою бутылку?!

Вот тут настало время пугаться нам обоим. И Карлу, и мне. Мальчишка даже побелел, как привидение.

Но я не растерялась.

Четким движением я выхватила и окорок, и сливки из холодильника, сунула их в руки Карлу, и захлопнула дверцу шкафа.

Прижалась лбом к влажному после уборки дереву так, что все узоры древесины, наверное, у меня на лице отпечатались. Крепко зажмурила глаза и изо всех сил пожелала, чтоб там, за дверцами старого шкафа, оказалась бутылка деревенского отменного первача!

Чистого, как слеза.

Процеженного и очищенного. Крепостью градусов в шестьдесят! А то и семьдесят.

Я представила даже опьянение, которое наступает после первого же глотка такого пойла. Помню, был опыт по юности, по неопытности, когда из горячих блюд к этому напитку — только свежесобранная клубника, нагретая солнцем.

В лицо мне снова повеяло холодом, и я с победным криком распахнула дверцы шкафа.

Огромнейшая запотевшая бутылка ледяного самогона была прямо там, на полке!

И рядом надкусанная клубника...

— Ка-а-арл! — вопил сверху в ярости папаша Якобс. — Я сейчас убью тебя, засранец!

Одним четким движением я выхватила самогон из холодильника. Захлопнула дверцу шкафа.

Отняла у онемевшего Карла окорок, сливки и сунула их в печь.

Впихнула ему в руки адское пойло (которое, по моим расчётам, должно было вырубить папашу Якобса намертво на целые сутки), схватила Карла за плечи и развернула лицом к лестнице, на которой уже гроыхали тяжелые ботинки старика.

— Где мой самогон?! — вопил разъяренный мой хозяин, появляясь перед нами.

Видок у него был еще тот. То ли недопил, то ли переел. Его штормило и бросало из стороны в сторону, руки так и прыгали, словно он Рахманинова играл. А вот глаза были совершенно трезвыми и очень злыми.

— Так вот же он! — прошептала я, встав за Карлом и старательно закрывая собой от папашы Якобса осколки бутылки и лужу на полу. — Самый свежий и самый чистый, только для вас!

Бутылка была намного больше той, что разбил Карл. И наполнена чуть не до верха, под самую пробку, скрученную из какой-то коричневой грубой бумаги. Поэтому папаша Якобс так и замер, очумев от размеров сокровища, свалившегося ему в руки.

— Чего это так много? — подозрительно спросил он.

— Так скидка постоянным клиентам! — прошептала я.

— Чего? — не понял папаша Якобс.

— Подарок вам, — пояснила я. — От хозяина заведения. Вы же постоянно у него покупаете. Вот он и решил вас отблагодарить.

— Дай сюда! — рыкнул старик, выхватив у Карла бутылку. И принялся. — А чем это тут воняет?!

— Так мылом, щелоком и грязью! — радостно ответила я. — Я тут прибиралась, полы мыла, знаете ли...

— Не смей мне врать! — рявкнул старик. — Пахнет вином!

Он грозно наступал, и у меня сердце в пятки ушло. Если он увидит осколки и лужу, он нас точно убьет! Подумает, что ему две бутылки дали за обычную плату. А мы одну разбили. И тогда нам конец!

Но вместо панических воплей «мы все умрем!» я улыбнулась как можно приветливее и храбро шагнула вперед.

— Конечно, вином! Оно же у вас под носом! — я протянула руку и смело вытащила пробку, свернутую из... газетки «Сельская жизнь»? — Видите? Пробка промокла, вот и пахнет. Ах, славный самогончик! Ядреный! Так и текут слюнки! Не нацедите мне кружечку?!

— Руки прочь! — рыкнул Якобс. Спиртовые пары ударили ему в нос, а оттуда в мозг. Точнее, в то, что от мозга осталось. И папаша Якобс слегка окосел. И даже слегка утратил бдительность и присел от опьянения.

Ворча и изрыгая проклятья, он развернулся, как стойкий оловянный солдатик, и побрел к себе наверх. А я перевела дух и обернулась к Карлу.

У того глаза были по медному пятаку.

— Ка-ка-как ты то сделала?! — только и смог вымолвить он.

— Да мне-то откуда знать! Это не я! — прошипела я.

И мы оба, не сговариваясь, обернулись к печке.

Окорок был там, соблазнительный, свежий, копченый.

Под ним лежал тоненький кусочек хлеба, свежего, с хрустящей корочкой, с ноздреватым белым мякишем. Кажется, над ним даже еще курился теплый парок. Свежеиспеченная горбушка!

Ну, я же представляла бутерброд.

Но, кажется, передала шкафу слишком сложный мыслеобраз. Поэтому бутерброд оказался... толстоват.

— Откуда это? — потрясенный, произнес Карл. У него слюнки текли, он жадно принялся к еде.

— Шкаф дал, — отрезала я. — Давай попробуем, настоящее ли то! А то мне все кажется, что только снится!

Я решительно пластанула кусок мяса потолще, положила его на хлеб. В глиняную кружку плеснула свежих, холодных, жирных сливок и протянула все это Карлу.

— Ешь! — грозно велела я.

Карла два раза упрашивать не пришлось.

Он уселся прямо на кучу поленьев и принялся уписывать лакомство, постанывая от удовольствия.

— Как вкусно! — прошептал он, подняв на меня восторженный взгляд. — Ничего вкуснее никогда не ел!

Тут он вдруг задумался и даже жевать перестал.

— А ведь ел, — сказал он вдруг. — Матушка, бывало, угощала меня сладостями и диковинными фруктами, которые тут не растут...

Аг-га!

— У твоей матушки, верно, был дар? — спросила я.

Карл пожал плечами и вернулся к еде.

— Вот и отец так говорил, — беспечно ответил он. — А матушка смеялась и говорила, что этот дар может освоить любой, у кого доброе сердце. Когда она умерла, отец думал, что дар будет у меня. Но ничего такого не произошло.

— Вот почему твой отец злится на тебя!

— Наверное. А может, я правда недостаточно добр, — задумчиво произнес Карл. — Поэтому матушкин дар не достался мне в наследство. Я ведь иногда сержусь на отца...

— А я что, ангел? — хмыкнула я насмешливо. — Откровенно говоря, твоего батюшку я б оприходовала оглоблей поперек спины! Но мне-то холодильник открылся! Так что, скорее всего, дело не в том, что ты не добр. А в том, что дар открывается только женщине.

Сказала это — и задумалась.

Ведь папаша Якобс мог подумать точно так же! Специально купил меня, чтоб поэкспериментировать! Надо быть тогда осторожнее. Ведь если он узнает, что мне с первого раза удалось открыть его шкафчик, он меня на цепь посадит!

— А мама твоя всегда только еду доставала? — спросила я.

— Нет, не только. Иногда игрушки чудные. А если хотела порадовать отца, то монеты... золотые монеты со дна моря.

Ну, ясно. Якобсу игрушки-то не нужны, ему денег подавай! И живет он, наверное, на то немного, что осталось о покойной супруги. А бедолагу Карла не пристукнул только потому, что все еще надеется, что в мальчишке проснется дар.

— Ты вот что, — сказала я Карлу решительно. — Бери окорок целиком и ни слова отцу о том, что видел!

— Но я не съем столько, — удивленно произнес Карл, глядя на огромную по его меркам гору мяса.

— А ты постарайся!

— Но я итак ничего бы ему не сказал! — упрямылся Карл.

— Чудак человек, — я даже рассмеялась. — Да я просто хочу, чтоб ты питался хорошо.

— Но он испортится, — с сожалением сказала Карл. — Даже если я его возьму и начну есть, то не съем всего, и он пропадет. А так жаль! Вкусный очень. Нам придется его есть вдвоем...

И Карл уже смелее сам взял нож и отрезал себе кусочек.

— Знаешь что? — произнесла я. — Мы его продадим лесорубам. За отдельную плату. Это ведь наше, не так ли? Не твоего отца? Получается, он ничего не знает об этом мясе. И деньги, вырученные за него, мы сможем оставить себе. И так накопим на мое освобождение.

Глаза у Карла заблестели. В них появилась надежда.

— Ну, а если я научусь обращаться со шкафом твоей матушки так же лихо, как она это делала, то мы и таверну эту выкупим у твоего папаши и заживем припеваючи!

Глава 5. Гости таверны

Я хотела раздобыть хлеба, и загадала его. Но открывшийся холодильник был пуст и грязноват. В нем недавно повесилась мышь, в углу лежала корка чего-то несъедобного.

А посередине холодильника стояла пустая тарелка и на ней записка: «Приходите в другой раз».

— Ага, — повертев записку в руках, пробурчала я. — Значит, просить можно не более трех раз в сутки. Значит, надо бы список составить... Чтоб хотеть грамотно, значит.

Но до составления списка дело не дошло.

До вечера мы с Карлом честно проспали, до отвала наевшись мяса и по-партизански припрятав остатки.

К часам пяти Карл меня разбудил, весьма по-свойски толкая в бок.

— Скоро лесорубы домой пойдут, — сообщил он мне. — Ну, и к нам зайдут... наверное. Надо перемыть посуду и наварить похлебки.

— А если не зайдут? — я потеряла глаза, с трудом встала со стула, на котором проспала весь день. — Куда похлебку денешь?

— Обычно оставлял на утро, — признался Карл грустно. — Но твоя похлебка им понравилась, может, зайдут все же?

М-да, дилемма...

И с окороком как быть? Так, чтоб папаша Якобс не заметил?

— Знаешь что? — решительно произнесла я. — Свари-ка ему отдельно чечевицы. Как я варила. Без мяса. Сможешь? Мы и сливок ему плеснем, чтоб не обидно было. А я сварю гостям гороховый суп с копченостями. Горох-то и картофель у вас есть?

— Конечно! Там же, где и чечевица — в мешках в кладовой.

— Ну, и отлично. Значит, супу быть. И возьму я за него не два, а четыре полена. И гроша четыре за тарелку! Потому что с мясом! Половину папаше твоему отдадим, половину себе оставим.

— Хорошо! — обрадовался Карл.

— Деньги вырученные у себя спрячешь, — сказала я. — Ты-то дом лучше знаешь. Изобретешь тайник?

— Без проблем! — радостно ответил Карл.

И мы принялись за готовку.

Сначала Карл наносил воды и овощей — картофеля, моркови, лука, помидор, — и мы начистили их и приготовили для последующей варки. Замочили крупы перед готовкой.

Карл больше не боялся брать овощи. Да и вообще продукты и дрова.

Я даже заметила, что он выбирает лучшие, а чуть подпортившиеся помидоры выбрасывает. А раньше, небось, и тронуть бы их боялся?

Он как будто стал смелее и увереннее.

И я даже знала, почему. Потому что теперь он знал, что ответить на вопли папаши Якобса. Его раньше не учили готовить, а теперь я ему показала, что к чему. И он схватил на лету.

Это придало ему уверенности в его действиях.

Думаю, что теперь он и огрызающегося папашу просто отодвинул бы локтем. А тот не посмел бы ударить сына, стоящего у плиты, боясь схватить в ответ половником по темени.

Карл с важным видом в небольшом котелке тушил морковь, помидоры и лук. И вид у него был как у лучшего шеф-повара!

А я приступила к готовке супа.

В нашем огромном, начисто отмытом котле на небольшом огне я поставила варить золотой горох. А пока он закипал, я нарезала копченое красноватое мясо с окорока кусками, срезая его с тонкой мозговой косточки.

Впрочем, и кость тоже отправится в котел — для навара. И шкурка — для запаха. Ее я помыла, сполоснула кипятком и поскоблила ножом, чтоб она стала мягче и светлее. Нарезала ее тонкими полосками.

Горох мой меж тем закипел. Вариво стал густым, желтоватым.

Карл аккуратно всыпал красную чечевицу в свои тушеные овощи.

А я ссыпала в свой котел мясо и помешала большой деревянной ложкой. Оно ведь не было сырым; а для навара достаточно было немного покипятить суп.

Густой сытный запах поплыл по кухне. Суп мой чуть припахивал дымком и травами — то, что надо.

Расторопный Карл бросился к дверям таверны и распахнул их, чтоб аромат нашей готовки пролился на улицу.

— Пусть окорок приманивает посетителей! — радостно пояснил мне Карл. — Так вкусно пахнет! Они придут обязательно!

— Скажи-ка мне, Карл, — поспешно очищая картофель от кожуры, спросила я. — А что пьют лесорубы?

— Известно что, — спокойно заметил он. — Пиво.

— Ага, — произнесла я, мысленно дополняя свой список для поставщика. — А почему же папаша твой его не варит? Или не покупает у кого? Будь у вас пиво, они бы сюда чаще заглядывали!

— Потому что дорого, — ответил Карл. — Ну, и потому что сам все выхлебает.

— Ага, — снова сказала я. — А вот если б мы с тобой продавали им пиво, то, наверное, мы бы ничего не выпили? А гости б заходили чаще?

— Так понятно, — солидно ответил Карл, подсаживая свою почти готовую похлебку. — Раньше они приходили. И музыканты у нас играли. И танцы были. Но...

— Но умерла мама, — подытожила я. — Понятно. Как думаешь, а не попросить ли нам у шкафчика пива?

— Пива? — удивленно переспросил Карл. — Но отец...

— Ты слышишь, — насмешливо перебила его я, — как стены дрожат? Это он храпит. Ничего он не услышит, если будет пить наш самогон. Вся таверна в нашем распоряжении!

— Наверное, можно попробовать! — задорно согласился Карл, дернув себя за ухо. — Ну, если поймает, всего лишь палкой угостит! Что мы, палки не отведывали? Зато денег заработаем много.

Карл управился с похлебкой раньше меня, конечно. Его маленький котелок вскипел быстрее, и чечевица упрела скорее, чем горох в моем огромном котле.

Карл плеснул в вариво жирных сливок, помешал, попробовал. И на его физиономии расплылась довольная улыбка.

— Вкусно! — сообщил он мне. — Почти как твоя похлебка!

— Ну, и отлично. Живо тащи ее папаше! — скомандовала я. — За одним посмотри, что он там делает.

Вернулся Карл быстро. И был он очень удивлен.

— Послушай, — произнес он изумленно, — папаша и половины бутылки не выпил, а спит мертвецким сном, словно высадил сразу парочку! Даже не шевельнулся, когда я вошел. Что за пойло ты ему подсунула?

— А я что говорила?! — весело крикнула я, встряхивая сковороду с жарящимися луком и морковью. — Он нам не помешает! Ну, хватит вопросов! Давай, сыпь в суп картофель!

Карл проворно сдвинул с котла крышку, и сытный запах наполнил кухню.

Пар, казалось, можно было есть ложкой — такой он был густой и так вкусно он пах.

Мальчишка ловко сыпанул в жирно булькающий суп кубики картофеля и присыпал перцем густой бульон, блестящий кружочками жира от выварившейся мозговой косточки.

Овощи на моей громадной сковороде шкворчали в оранжевом масле. Лук был приятно-коричневого цвета, морковь — золотистой. Я помешивала их деревянной лопаткой, и с каждым мигмом они приобретали всё более насыщенный цвет и аромат.

— Открывай! — снова скомандовала я Карлу. Тот опять сдвинул в сторону крышку, и горячее масло с тушеными овощами раскалённой оранжевой лавой потекло в котел.

Какой цвет! А какой запах!

— Ум-м-м, как вкусно! — вскричал Карл, глядя, как я размешиваю суп, и как в нем кипят кусочки мяса.

— Еще как! — подхватила я. — Поищи-ка лавровый лист в шкафчике. Кажется, там он был.

Карл, беспечно насвистывая, вприпрыжку побежал за специями.

Но почти тотчас же вернулся с самым странным выражением лица, на какое был способен.

— Что такое? — спросила я удивленно. — Не нашел?

— Там, — произнес Карл, замаявшись. — Там странные гости какие-то. Не лесорубы.

— Ну! В мире полно людей-не лесорубов! — беспечно ответила я. Но Карл был непреклонен.

— Иди и посмотри, — проговорил он с нажимом, чуть склонив голову. Будто забодать меня собрался. — Сама.

— Ну, ладно, ладно! — сдалась я. — За супом только присмотри!

Я передала ему ложку и двинула посмотреть на необычных посетителей.

Ну, было от чего удивиться, скажем прямо.

Лесорубов, угольщиков, дровосеков еще не видно, зато за одним из столов, важно, как званные гости, сидели мамаша с папашей моего бывшего непутового муженька!

В груди моей закипело, руки сами уперлись в бока.

— Какими судьбами в наши края? — язвительно поинтересовалась я, подходя ближе к этой парочке. Даже поздороваться позабыла.

Эта пара пиявок хором, не сговариваясь, уставились на меня.

Старик из внутреннего кармана своего черного, унылого одеяния вынул ложку и с противным хлюпаньем ее облизал.

Нет, каковы!

Разделись как в церковь! В самое лучшее и нарядное.

Бабка нацепила чепец с оборками и лентами, на плечи натянула нарядную шаль. Под дряблым подбородком, на груди, у нее поблескивала дорогая брошь.

Старик за воротник заправил белую салфетку и расправил ее, чтоб не заляпать манишку при еде.

Весь их вид с ложками наготове говорил о том, что они собираются вкушать ужин.

— Ужин давай, — весьма нелюбезно ответил дедуган, тоже не здороваясь. — Да поживее.

Я перевела дух, изо всех сил сдерживаясь, чтоб не треснуть этого старого хмыря по голове, например, стулом.

— И не дерзи нам тут, милочка! — строго проскрипела старуха, глядя на меня своими сердитыми глазками. — Я не терплю дерзости! А будешь с нами невежлива — расскажу твоему хозяину, и он как следует поколотит тебя!

Я от злости только зубы стиснула. Ну, эти могут наябедничать и просто так, лишь бы нагадить и посмотреть, как папаша Якобс будет считать мне ребра... Небось, ради этого шоу и притащились?

— Так чего желаете? — как можно вежливей произнесла я, желая только одного: чтоб мой взгляд прожег их насквозь!

— Тебе же сказали, — так же сердито ответила бабка. — Изволь подать нам ужин, да поскорее!

Она передернула плечами, словно ей было зябко.

Или очень противно, будто она вляпалась рукой в соплю на заборе.

— Какая же тупая, — словно размышляя вслух, произнесла старуха. — Голова что решето... Сколько ж раз нужно повторить, чтобы она хоть что-то запомнила! И как сынок жил с нею! Маялся, небось, бедный...

— Да, — поддакнул старик серьезно. — Все беды в его жизни от баб. Говорил я ему, не женись. К чему хорошему привела эта женитьба? С такой женой немудрено загулять.

Старуха плаксиво скривила рот.

— Ах, — выкрикнула она, выдавливая из глаз пару слезинок, — это от отчаяния! Это все от горя, от безысходности и от отчаяния! Когда дома беда, разве будет в жизни что-то ладиться?!

Старик, утешая, погладил ее по плечу и зло зыркнул на меня.

— Поломала жизнь нашему сыну! — злобно рыкнул он.

— Исчадие ада, — всхлипывала притворно старушонка.

Господи, удержи меня от смертоубийства! Я уже хотела вцепиться в ее цыплячью тощую шейку! И трясти до тех пор, пока ее голова, похожая на растрепанный капустный кочан, не отвалится!

— Что там у вас подают сегодня? — проскрипел старикашка. — Мне двойную порцию! Я зверски голоден.

— Сегодня у нас гороховый суп с копченостями, — ответила я. — Миска будет вам стоить четыре медных монеты, потому что в нем мясо, и много! Наливать?

Старик даже ложкой от злости по столу треснул. А бабка оскалилась приветливой улыбкой людоедки.

— Милочка, твоей наглости нет предела! — сказала она ядовитым сладким голоском. — Что значит — «будет нам стоять»? Мы что, пришли сюда для того, чтоб тебе деньги просто так платить? Нет уж! Деньги надо заработать!

— Именно это я и пытаюсь сделать, — миролюбиво ответила я. — Готовлю и продаю похлебку. А желающие поесть за это платят. Так что деньги вперед; не то никакого супа вы не получите!

Лицо бабки так исказилось от злости, что я невольно подумала о восстании мертвецов и зомби.

Казалось, эта старая ведьма сейчас бросится и выкусит мне мозг.

— Ах ты, негодная мерзавка! — прошипела старуха, стискивая свою ложку с такой злостью, будто ею собиралась мне сердце вырезать. — Да как ты смеешь мне перечить?! Мой сын — твой муж, и ты обязана относиться ко мне с почтением!

— Бывший муж, шляпа, — грубо ответила я, отступая от стола. Потому что ничем хорошим эта встреча кончиться не могла. — Он меня продал! Вы даже денег получили от этой сделки. И с той самой минуты я вам больше не принадлежу! А значит, и не должна вам ничего!

— Ты жила в нашем доме! — шипела старуха, наступая на меня и тыча в мою сторону своей ложкой. Ложка, к слову, костяная, дорогая, крепкая. — И мы тебя не вышвырнули на улицу, а пристроили, дали возможность работать! Ты нам по гроб жизни обязана!

— Может быть, может быть, — я ловко отпрыгнула от опасной старухи. — Только вот в этом доме мне ничего не принадлежит. Тут все хозяйское. Не мое. И на добро папаши Якобса вы прав никаких не имеете!

— Хозяйское! — взвился старикан с лавки, как ужаленный. И завопил тонким голосом. — Так он должен платить тебе за работу! Вот эти деньги ты нам должна отдавать!

Нет, каково?!

— Ничего он мне не платит! Стол и кров — вот моя плата! Могу на ночь уступить кучу золы, поспать! Устроит?!

— Раз так, — скрипел папаша, — то отдавай нам свой обед. Это будет справедливо и правильно. Хоть как-то отплатишь нам за нашу доброту и понесенные убытки.

— А я чем питаться буду?! Вашими молитвами?!

— Работай, значит, лучше, — шипел старик. — Чтоб и самой что-нибудь перепало! Бездельничать ты любишь, конечно! Но нужно думать и о том, как нас содержать! Так что это не наши заботы, шевелись-ка лучше шустрее!

— Мы нуждаемся, — зло шипела старуха, тыча в меня ложкой. — Кто о нас должен позаботиться?!

— А почему я?! Сына своего просите!

— Нахалка какая! — возмутилась старуха совершенно искренне. — Ты же знаешь, что он вынужден был уехать! А в Белом Городе жизнь дорога, он сам будет едва сводить концы с концами! Так от кого ж нам требовать помощи, как не от тебя?

У меня от возмущения дыхание перехватило.

Белый Город, чудная мечта, сон наяву.

Говорят, его когда-то давно строили эльфы.

С тех пор много веков прошло, эльфа уже не встретишь. А город все стоит, поражая воображение своим великолепием и красотой.

И жизнь там недешева.

— Проигравшийся в пух и прах засранец на самом деле имеет столько денег, что может и в Белом Городе устроиться?! — яростно вскричала я. — А говорил, что содержать меня не сможет! О-о-о, козел!

— Ты кого это козлом назвала?! — завопила старуха, багровея. В этот миг она стала похожа на вареную черепаху. — Ах ты, дочь гадины!

И она вцепилась мне в косы. Я заверещала, бестолково маша руками. Никогда неумела драться, и вот те на.

Старик меж тем решил в нашей драке участия не принимать.

Бочком, бочком, он пробрался к печи, черпанул из котла супа. Ему сразу же попалась мозговая косточка с влажно блестящим сварившимся костным мозгом. Старик мигом обо всем позабыл и принялся ее жадно грызть и трясти, стараясь добраться до лакомства.

Мы же со старухой сцепились не на шутку.

Она все дергала меня за косы, визжала, как циркулярная пила, а я безрезультатно лупила ее по плечам.

И кто знает, чем бы все это кончилось, если б помощь не пришла с самой неожиданной стороны.

— Они бесплатно пожирают мою похлебку! — раздалось с лестницы трагично и драматично. Любой драматический актер обзавидовался бы.

Это мой хозяин вышел посмотреть, что это такое происходит в его таверне, откуда столько шума.

За его плечом маячил перепуганный Карл. Видно, это он позвал отца в поддержку, видя, что численный перевес не на нашей стороне.

А нетрезвый папаша Якобс — это был именно он, — выдержав эффектную паузу, громко икнул и кубарем скатился по ступеням.

Однако, тотчас же подскочил на ноги, как ни в чем не бывало, и накинулся с кулаками на старика.

Тот, не прекращая посасывать голую уже кость, зачем-то горстями хватал горох из стоящего рядом с печью мешка и сыпал себе по карманам.

Нападение папаши Якобса заставило его отказаться от этого увлекательного занятия и обратить все силы в оборону. Тем более, что папаша Якобс оказался не дурак подраться. Он принялся так мутузить старика, что ворованный горох брызнул в разные стороны.

— Мое добро-о-о! — визжал тенорным фальцетом папаша Якобс, кулаками выколачивая пыль из спины старика. — Мой горох, моя чечевица! Ме-еня обворовывать!..

— Не обворовывать, — пыхтел старик, кое-как защищаясь от крепких кулаков папаши Якобса. — А только лишь забрать причитающееся нам!

— Тут все мое! — ревел Якобс.

— Купил девку по дешевке! — завопила ему в ответ злая старушонка, выпуская мои волосы из своих цепких ручонок. — Да она стоит в несколько раз дороже! Отдавай то, что не додал!

Она так пихнула меня, что я кубарем покатила по полу. А старая мегера накинулась на Якобса и повисла на его спине.

Тут и Карл подключился.

Схватив метлу, он принялся колошматить ею прицепившуюся к отцу бабку. Якобс воодушевленно тузил старика.

Я сидела в ужасе.

И неизвестно, чем бы кончилась потасовка, если б папаша Якобс не начал побеждать.

Старик рвался из его рук, оставляя ключья своей одежды. Та расплзалась по швам с сочным хрустом. В руках папаши Якобса осталась уже пара черных клочков от парадного сюртука старика.

Бабка, наполучав метлой, съехала со спины Якобса на пол и сидела, громко охая.

И тогда старикашка предпринял отчаянную попытку победить.

У стола он оставил свою трость; за ней-то он ринулся в великолепном прыжке.

И ею же нанес сокрушительный удар папаше Якобсу прямо по темени, отчего тот рухнул, как подкошенный. Полилась кровь, пропитывая редкие волосы и колпак Якобса.

— Убили-и-и, — хрипел он. Его глаза совершали неторопливый обход глазниц независимо друг от друга.

Карл бросился к отцу — вот добрая душа!

Старуха, увидев такой поворот, ползком двинула на выход, притом весьма шустро. А старик, нервно одернув рванный сюртук, попытался придать себе гордый вид. Неспешно направился на выход, но не удержался — в пару прыжков вернулся к мешку с горохом и ухватил еще пару горстей.

— Вон! — прокричал Якобс. Он кое-как уселся и запустил свой тяжелый башмак в старика, как в нашкодившего кота.

Башмак прилетел точно старику по горбу, и тот прыснул, как испуганный курёнок.

А папаша Якобс внезапно повеселел.

— Хы-хы-хы, — рассмеялся он, рассматривая то, что было зажато в его руке.

Вместе с тканью сюртука он вырвал у старика и карман. В нем оказался кошелек, набитый медяками. Убытки и легкие телесные окупилась с лихвой.

— Молодец, девка, — сурово похвали меня Якобс. — Не отдала хозяйского добра ворью!

Он почесал побитое темя и застонал. Видимо, удар был все же нешуточный. Папаша Якобс все никак не мог подняться, и нам с Карлом пришлось тащить его наверх под руки.

Там он повалился на свою кровать, прижимая к сердцу добытый в драке кошелек. Ему сделалось худо, и пришлось делать примочки из самогона и теплой воды.

А он метался и стонал, словно и в самом деле помирал.

Но денег из рук не выпускал.

Жуть!

Через полчаса, вроде, ему стало получше. И он прогнал нас, хлебнув как следует самогона и громко захрапев.

Мы с Карлом перевели дух и переглянулись.

— Ну, — произнес он. — Теперь идем кормить ужином лесорубов!

Глава 6. Праздник непослушания

К нашему с Карлом счастьем, папаша Якобс не понял, что вместо чечевицы подавали гороховый суп. Да и бой у него отнял много сил. И, залив свою боль алкоголем, он отлично вздремнул, пока мы с Карлом продавали наш чудесный суп с горохом и копченостями.

Гороха мы не пожалели, мясо нарезали небольшими кусками, так что хватило всем. И все были сыты и довольны. Ну, и заработали мы немало, что уж.

Папаша Якобс все же унюхал копчености. Вечером спустился посмотреть, что это мы тут готовим. Но я уже отмыла котел, остатки костей уволок с собой побитый им старик. А горохового супа не осталось ни ложки.

— Чем это так пахнет? — подозрительно спрашивал Якобс, тычась во все горшки. — Как будто копченым?

— Лук немного подгорел, — соврала я. Получила, конечно, затрещину. Ай, больно!

Но денежки, наши честно заработанные денежки при нас остались!

Карл же придумал интересный тайник.

Один из камней в кладке на кухне отходил. Мы его вынули и в пространстве за ним установили небольшой горшок. В него положили наши сбережения и снова заложили камнем. А чтоб папаша Якобс не догадался, Карл замазал щели известняком.

Начало было положено!

Бой же папаша Якобса и завладение чужим кошельком имел неожиданное последствие.

На следующее утро, чуть свет, он встал и спустился вниз.

Я слышала, как он долго колуцается в своей замке, запирая дверь от нас. Что ж там за сокровища такие хранятся?! А что, если пожар? Мы даже спасти ничего не сможем!

От удара старика, раскровившего ему голову, папаша Якобс обзавелся синяком на пол лица. Это придало ему грозный и зловещий вид. Но в целом, как будто, папаша Якобс чувствовал себя неплохо.

— В город поеду, — сурово сообщил он нам, делая глоток самогона из своей драгоценной бутылки — да, да, он не осилил весь первак! — Пойду к Гензелю, узнаю, сколько он возьмет с меня за поездку. А ты сходи, еще возьми мне самогона в дорогу, — он кинул Карлу пару монеток. — Да смотри, чтоб был такой же отменный, как этот! Другого я не буду покупать, так этому старому пердуну и скажи! И за ней вон приглядывай, чтоб работала хорошо!

И отправился по делам.

Карл после его ухода шумно, с облегчением, выдохнул и неожиданно кинул на пол и метлу, и ведро. Какая перемена, однако!

— И что это значит? — осторожно спросила я.

— Отец уедет надолго, — ответил довольный Карл. — За крупами, за картошкой. Как раз время подошло, а тут и деньги внезапно на голову свалились. Так что нам повезло. Никто не будет раздавать затрещин и орать.

— Надолго — это насколько? — уточнила я.

— На три дня, — ответил Карл, довольный. — Эх, если б еще дождь!.. Тогда застрянут на все пять.

— На целых пять дней? — изумилась я, чувствуя, как в груди моей загорается огонек надежды.

— Ну да. Дорога-то до города не очень. Ее размывает сильно у самого выезда у гор. Если дождь сильный, то лучше переждать пару дней, чтоб вода ушла. Не то повозку смоем и утащит в долину. А на ней, поди, груза и товаров полно будет! Эх, вот если б дождь! А уж если ливень, то неделю его не жди!

Ну, а что?

Вполне возможно. Дождь весной – дело обычное...

— Отдохнем, — мечтал Карл, — выспимся. И бить никто не будет...

— Или, наоборот, напряжемся?! — воскликнула я. — Карл, ты понимаешь, что это наш шанс заработать как следует?!

— Чего? — удивился он.

— Ну, папаша твой уедет, — сказала я. — Мы одни останемся! Кто нам помешает достать из шкафа все, что угодно?! Вот и устроим праздник, с пивом, с музыкой и с угощением! Вся выручка наша! Папаше твоему только отдадим то, что за супы выручим.

— А-а-а! — протянул Карл.

Эта мысль немного его приободрила. Но особого вдохновения на его лице я не видела.

— Выручка, разумеется, пополам, — продолжила я. — И еды, разумеется, вволю. Все, что мне удастся раздобыть из шкафа, наполовину твое! А на вырученные деньги ты сможешь купить себе новую одежду, — сказала я, указывая на рванину, в которую был одет Карл. — И даже новые башмаки!

Вот это понравилось мальчишке больше всего.

От этой мысли он просто загорелся. А то латанные башмаки его были уж сильно плохи. Просто две черные бесформенные жабы на ногах.

— Ну, так что?

— Я в деле! — радостно ответил Карл.

Но организовать праздник — это вам не просто так! Ведь как можно быть в чем-то уверенным, если в большей степени все зависело от магии?!

Для начала я попросила у шкафа самогона. Самого лучшего, самого крепкого, и самую большую порцию, какую только он мог дать!

Я молила шкаф так истово, что когда открыла его, он был просто забит холодными запотевшими бутылками, которые лежали, как бревна в поленице. Вот это было неожиданно, однако...

— Вот это да! — выдохнул Карл, оглядывая этот оплот разврата и порока. — Да это папаше на месяц хватит!

— Черта с два! — решительно ответила я, вынимая две бутылки. — Вот это ему отдадим. Авань, еще задержится в пути! А остальное продадим. Или на потом оставим, уж как повезет!

Мы упрятали самогон в кладовку, за мешками с улем, каменной мукой и остатками картошки.

И я снова вернулась к шкафу.

— Ну, — произнесла я излишне бодро, — мы же изначально хотели продать лесорубам пива?..

— Пива они могут выпить очень много, — заметил Карл. — А еще хорошо б было подумать об угощении. Суп — это хорошо, и похлебка у тебя вкусная. Но когда матушка устраивала праздники, мы на углях запекали целых поросят.

— Значит, поросят, — протянула я. — Гхм...

Тут я оглянулась по сторонам. Таверна-то не в лучшем виде, если честно! Какой праздник в этом хлеву?

Ну, отмыла я полы, немного отскребла столы, а остальное? Грязновато, темновато. И фонари неплохо было б оттереть. И окна перемыть... Да и вообще...

— Мы сделаем вот что, — таинственным голосом произнесла я. — Мы как следует приготовимся! За пару дней вытрясем из шкафа все нужное. Я отмою здесь все. Ты засушишь дров, чтоб горели пожарче. Наломашь веток в ельнике, украсим зал. А вот через два дня!..

Мы с Карлом с нетерпением дождались, когда папаша Якобс уедет.

Ходили за ним по пятам, пока он проверял запасы и бормотал что-то себе под нос.

Бутыли с самогоном он принял с восхищенных вздохом. Даже его фиолетовый синяк как будто посветлел.

— Этого мне надолго хватит, — пробормотал он.

Пробу снял тотчас, и сразу же подобрел.

Карл принес ему дорожную сумку с нехитрой едой в дорогу, и папаша Якобс отбыл.

— А почему он свою повозку не заведет? — спросила я, глядя ему вслед.

— Так дорого, — вздохнул Карл. — Лошадь и мула кормить надо. Да даже осел есть попросит! А в город на ярмарку папаша ездит не часто. Ему проще заплатить две монетки, чем содержать животное и повозку.

— Хорошо б торговал, часто бы ездил, — сурово ответила я. — А то кормит гостей черт знает чем! Ну, пойдем готовиться к нашему празднику!

Деньги, что мы выручили за обычный наш завтрак, я отдала Карлу.

— Беги, купи себе одежды, — велела я. — Ну, и чего пожелаешь вообще. Это все твое.

Карл смотрел на медяки в его руках и едва не плакал. Наверное, папаша Якобс его не сильно-то баловал, и давал донашивать вещи за собой.

— Ну, смелее! — я подтолкнула мальчишку к дверям. — Отдохни нынче как следует. Сегодня твой день! Да знаешь еще что? Мыла купи кусок, да хорошего. Надо бы нам помыться, да кое-что постирать.

Карл убежал вприпрыжку, а я осталась одна.

Денек распогодился, вышло солнце. Стало тепло. И настроение у меня сразу улучшилось.

Я с удовольствием наполнила ведро водой, отыскала тряпку... Отмыть все кругом? Да запросто!

Пыльные окна таверны мне пришлось пару раз окатить водой, чтобы они стали не такими серыми и хоть немного прозрачными.

Я долго терла каждое стекло тряпкой, смывая дождевые разводы, пыль, мух, паутину. Но мои старания были вознаграждены; в таверне стало светлее, намного светлее после моих усилий. А рамы окон оказались благородного коричневого цвета мореного дуба.

Фонари я тоже все отмыла, отскребла залитые жиром и вычерненные копотью стекла. Песком надраила до блеска металл, из которого эти фонари были сделаны.

С балок, к которым они были подвешены, я смыла немало копоти.

Мебель, стены — всюду я тщательно прошлась щеткой, немилосердно сдирая копоть и сажу. Каменную кладку у печи отшоркала чуть не добела.

Вымела весь мусор, весь песок. Отмыла кирпичи печи, так, что они красными стали.

Распахнула все окна, чтоб проветрить застоявшийся воздух, запах кислятины, и высушить мокрые полы.

В таверне было прохладно, чисто, свежо. Пахло только свежим ветром и немного копченым мясом. Солнечные пятна на полу лежали ровными квадратами, мокрые доски быстро сохли.

Когда я переводила дух, сидя на крыльце, явился Карл, довольный, словно сосватанный.

Он купил крепкие, добротные башмаки и штаны. Рубашонка на нем была тоже новая, простая; а вот куртку он взял добротную, из коричневой кожи, украшенную желтой строчкой.

Свои старые вещи он увязал в узелок и нес с собой.

— Ну, и красив ты! — всплеснула я руками, разглядывая принаряженного Карла. — Ну, хорош!

— В этом по праздникам буду ходить! — важно сообщил он мне, поворачиваясь то так, то этак, чтоб я разглядела его великолепие. — И когда папаша не видит. Помочь тебе с чем-нибудь? Ты, я вижу, устала. Приляг, отдохни. А я доделаю дела.

— Было б неплохо, — ответила я. — Нужно пол помыть в зале, да кое-какую посуду.

— О, это я мигом! — сказал Карл радостно. — Мыла я тебе купил, но ты ведь можешь постирать позже?

— Позже будет уже поздно, — усмехнулась я.

— Тогда, — задумчиво протянул Карл, поскребя в затылке, — давай я приготовлю ужин. Я же видел, как ты делаешь, я смогу! А то ты уже устала, а если еще и стирать...

— Спасибо, Карл, — умилилась я. — Вот это будет действительно кстати.

— Значит, договорились!

— А где стирала твоя матушка?

— В купели, — ответил Карл. — Это такая огромная, но низкая деревянная бадья. У нас есть комната, где все для стирки. Там и доска, и зола, и щетки...

Я критически оглядела его серый узелок, связанный из старой одежды.

— А чего же вы не стираете?

Карл пожал плечами.

— Папаша говорит, что стирать — только ткань портить. От стирок она якобы истирается и рвется быстрее.

— А без стирок прееет! Ну, показывай мне свою купель!

Постирочная в доме Якобса была действительно замечательная.

Огромнейшая купель служила и ванной для стирки, и местом, где можно было помыться. Там я в щелоке замочила свое платье, испачканное в грязи в день торгов, и свое ужасное постельное белье серого цвета.

Пока Карл мне носил воду, чтоб наполнить купель, я привела в порядок свою крохотную комнатушку.

Вот уж от души ее драила! Даже стены оказались белеными! А пол вовсе не земляным, а тоже деревянным! И стул из светлого дерева, а не коричневым! Коричневое — это мухи насадили!

— Фу, фу, ужас! — восклицала я, выгребая грязь и сор из углов.

В приступе отвращения, в целях дезинфекции промыла каждый камешек, каждую досточку с щелоком. Тюфяк вытрясла в окно. Окно тоже отмыла. Яростно терла стекла, пока они не закрипели и пока заходящее солнце не блеснуло в них.

И только когда и моя комнатка наполнилась запахом свежести, я кое-как опустилась на тюфяк и уронила руки на колени. Сил почти не осталось. А еще белье...

Но спать в грязи, носить платье, пропахшее несвежим телом — нет, это не по мне!

Карл, конечно, был большая умница.

Пока я кое-как отстирала свое платье, он виртуозно приготовил обычную похлебку.

Но так вкусно, да и сливок плеснул так щедро, что она ни в чем моей похлебке не уступала.

Я же, постирав простынь, поставила ее кипятиться в железном тазу тут же, на маленьком очаге в постирочной.

Вы знали, что от щелока белье становится кипенно-белым? И никакими порошками так не отстираешь!

Вот это невероятна магия!

Я спустила из купели воду, выдернув пробку. Вода уходила по желобу за стену дома и там с шумом лилась на камни.

Отмыла купель изнутри щеткой и песком, сполоснула ее, и попросила Карла наносить еще воды. В моих планах было помыться.

Выстиранное и прокипяченное белье я развешивала уже в темное. Оно хлопало на ветру, и я с удовольствием подумала, что завтра сниму его уже сухим, чистым, шуршащим.

В таверне было тихо и чисто. Да, тут ужинали люди, и все еще топилась печь — на ней Карл грел воду, угадав мое желание искупаться. Но посуда теперь была чистой, без разводов и пристывшего жира. Карл ее перемыл после ужина.

Сковородки и половники висели в ряд, каждый на своем месте, а не валялись кучами где попало. Кружки и миски красиво и аккуратно лежали на полках.

На полу ни пятнышка. Столы блестели в ночном свете. На балках висели венки из еловых лап — это Карл их нарезал, сплел и украсил таверну. Пахло хвоей и травой.

Дышать было легко, не пахло гарью. И атмосфера была особенной, какой-то торжественной и праздничной...

— Здорово стало! — сообщил мне Карл восторженно.

— На днях займемся лестницей, вторым этажом, — устало сказала я. — И твою комнату отмою и все перестираю. Есть у тебя комната-то?

— Есть! — радостно ответил Карл. — Но я сплю там только летом, а то холодно.

— Ничего, Карл. Скоро в этом доме всегда будет тепло! Если мы выкупим эту таверну в твоего отца, уж на топливе экономить не станем!

Мы и сейчас не экономим.

Папашу Якобса хватил бы кондратий, если б он увидел, сколько дров мы сожгли для стирки!

Но лесорубы принесли еще, да и докупили мы с Карлом, чтоб Якобс не злился.

Было очень тепло, и дом немного просох от весенней сырости. Промозглый холод исчез.

— Ну, давай попросим шкаф помочь нам подготовиться к празднику?

Если честно, я не была уверена, что получится.

Сил не было воображать нечто вкусное.

Пиво? Ну, что я могла подумать о пиве.

Только то, что нам его нужно много. И самого лучшего. Крафтового. Можно в нарядных деревянных бочонках. Тягучего, густого, желтого, как самый дорогой янтарь.

Я меланхолично представила, как оно льется тугой струей в кружку. Как вскипает большими пузырями шапка пены. Как запах хлеба бьет в ноздри. И ощутила на языке сладковато-горький вкус этого холодного напитка...

Шкаф пахнул холодом, оповещая, что мой заказ исполнен.

Я открыла дверцу и охнула.

Из холодильника, словно его что-то подпирал сзади, высунулся холодный бочонок.

Мы с Карлом его подхватили, и на его месте тотчас появился еще один, лакированный и блестящий каплями конденсата. Словно любопытный поросенок.

— О, получилось! — в полном восторге вскричал Карл, помогая мне извлекать нашу добычу из шкафчика.

— Вот же дела! — поразила я, вытаскивая третий бочонок. — Да сколько их там?! Я не переборщила ли с желаниями?! А вдруг их там тысяча, и мы шкаф не сможем закрыть? А куда эти поставим?!

Но Карл не разделял моего ужаса.

— В погреб, — весело ответил он. — Погреб-то пустой! И там холодно, как в животе у лягушки. И бочонков вышло не так уж много. Кажется, вот и все.

Все — это десять штук. Десять бочонков по десять литров.

И большая глянцевая открытка, привязанная к последнему бочонку.

«Лучшему работнику месяца!» — гласила надпись на ней.

Значит, шкафчик поощряет тех, кто не просто лопает его дары, но и работает как следует... Может, поэтому он и не работает у папаша Якобса? Тот работать-то не очень любит, спит да пьет.

Я перевела дух и закрыла дверцы шкафчика.

— Значит, теперь поросят, — неуверенно произнесла я. — На угощение.

— Самое свежее и сочное мясо! — крикнул Карл, откатывая бочонок с пивом в сторону погребца.

— Много-много хорошего, свежего жирного мяса, — повторила я за ним послушно. — Мы же будем мариновать его?

— Чего? — переспросил Карл.

Я уже начала привыкать к его простодушным «чего».

— Ну, соус, — в мыслях промелькнула бутылочка с алым соусом, специи, облако перца, отблеск огня — все, как в рекламе. — Майонез, лук?

— Чего?

В голове у меня был хаос.

Я хотела заказать всего и побольше, сразу же все! Но понимала, что так можно и испортить холодильник. Или он вывалит такую кулебяку, которая окажется плотоядным монстром и будет гоняться за нами с топором.

Так что я взяла себя в руки и представила мясной ряд с кусками свежего мяса. Товар лицом, так сказать!

Шкафчик исполнил в точности.

Как только я открыла его дверцы, оттуда беспардонно высунулась транспортная лента. И с нее на меня поползли куски мяса!

Как разделанные бескостные пороссячьи окорока, как вполне себе и взрослые полутуши! С ребрами, шкуркой и синими ветеринарными печатями!

— Помогите! — нервно взвизгнула я, стараясь удержать мясо.

Разумеется, могла б не стараться.

Все это полетело на пол.

— Мой чистый пол! — негодуя, заверещала я. Но мясо валилось и валилось. Некоторое было целомудренно завернуто в полиэтиленовые мешочки.

А вот Карла ничего не смутило.

— О-о-о, — только и смог пробормотать он, сжимая руки на груди и глядя, как неслышанное сокровище валится само нам в руки.

И в финале этого чудовищного мясопада холодильник выдавил из себя сиротливый пакетик майонеза и исьяк.
— Здорово! — восхитился Карл. — А это зачем?

Он двумя пальцами поднял майонез.

— Это... если мы захотим мариновать мясо перед жаркой, — расплывчато пояснила я. — Такой соус.

— Я могу попробовать нарезать мясо кусками и полить этим соусом, — неуверенно заметил Карл. — Добавлю перца, соли и лука, и получится отменно, думаю.

Я кивнула.

— Так и сделаем. Но вот весь пол заляпало...

— Да мы все отмоем, не переживай!

— А где мы это все хранить будем?!

— Ну в погребе же! Рядом с пивом. Там можно насмерть замерзнуть, если остаться на ночь. К тому же, этого не так уж и много. Вот эту грудинку, например, да под пиво, Бьёрн съест один.

— Но это все, — произнесла я, оглядываясь, — надо срочно убрать! Иначе испортится.

— Зачем же все? — удивился Карл. — Кое-что можно сварить прямо сейчас.

Я застонала.

— Если б ты знал, как я устала! Я помыться хотела, я...

— Так иди, отдохни, — миролюбиво предложил Карл. — Правда, иди. А я сам все это разберу, разрежу и замариную.

— Ты справишься? — убито спросила я. Но на самом деле мне уже страсть как хотелось убежать и позабыть все проблемы и трудности, связанные с этим мясом!

— Конечно, — воодушевленно ответил Карл. — Разделаю, унесу. Еще и на утро поставлю варить, если ты не против.

— Я не против.

Каюсь — я малодушно сбежала и оставила его одного расхлебывать ситуацию.

Вода в купальне уже немного поостыла. Но я все равно залезла в нее с удовольствием, и со вздохом облегчения откинулась на бортик бадьи.

Впервые за долгое время я глянула на себя в зеркало — здесь, в постирочной, был небольшой осколок. Наверное, остался от матушки Карла.

Признаться, мне было даже любопытно, как я сейчас выгляжу.

Оказалось, ничего так.

У меня было свежее, но уставшее лицо молодой девушки лет двадцати. Светлые роскошные волосы, чуть выющиеся, пышные и пушистые. Светлые большие глаза, чуть вздернутый аккуратный носик, розовые губы.

— Симпатичная, — задумчиво заметила я. — И как же угораздило тебя выскочить замуж за этого... работягу?! Значит, вот я такая теперь...

Я с удовольствием вымылась, потеряла щеткой уставшее тело. Вымыла, прополоскала и вычесала волосы. Натруженные руки отпарила в воде, вычистила ногти.

Стало как будто легче.

Полотенца, к сожалению, не было. Так что пришлось надевать рубашку на мокрое тело.

Впрочем, мне было уже все равно. Глаза слипались.

Напоследок я все равно зашла на кухню, посмотреть, как там Карл.

Он и правда почти управился.

На плите булькало, закипая, мясо. Ребрышки и косточки.

На столе в огромном чане лежало то, что Карл срезал, но еще не унес. Хорошие, сочные, свежие куски свинины и телятины вперемежку. Карл обмыл их, присыпал солью и накрошил туда лука.

Сам он насвистывал и вытирал пол. Кажется, ему всю ночь предстоит с этим возиться. Но он был так рад, что на его лице и тени усталости не было.

— Спокойной ночи, Адель! — сказал он. — Иди, отдыхай! Завтра будет новый день.

Утром я надела чистое, стираное вчера платье, застелила свой тюфяк свежей простыней.

В комнатке сразу запахло весной, свежим ветром.

Повязывая косынку, надев фартук, я пошла на кухню. Там уже вовсю горел очаг. На печи стоял наш верный, самый большой котел, в нем закипало масло. А Карл, выловив из бульона мясо, срезал мякоть с костей на огромном блюде.

— Чем удивим сегодня наших посетителей? — с готовностью спросил он.

Я пожала плечами.

— У нас есть мясо и картофель. Есть травы и овощи. Думаю, сделаем жаркое?

— С такими кусищами можно и по пять медных за миску брать! — важно заявил Карл, демонстрируя мне кусок мяса с жирком.

— Вполне, — ответила я. — Порция будет сытная, вкусная.

Вдвоем мы спешно начистили полмешка картофеля, целую огромную миску лука и морковки, пока прогорали дрова.

Жар в печи был совсем небольшой.

Нашему блюду предстояло тушиться на медленном огне в собственном соку.

В разогретом масле я чуть обжарила куски мяса, чтоб они покрылись золотистой корочкой. Туда же, к мясу, отправила черный перец, немного душистых трав, лавровый лист и совсем чуть-чуть паприки.

Больше приправ, к сожалению, в припасах папаши Якобса не нашлось.

Карл крупно порезал сочный, громко хрупающий под ножом лук, яркую оранжевую морковь.

И когда мясо обжарилось, он ссыпал в кипящее масло, в душистый пар, нарезанные овощи.

От мяса пошел соблазнительный аромат; масло кипело, окрашивая в красивый золотистый цвет сочный лук.

Я мешала и мешала мясо деревянной ложкой на длинной ручке, чтоб оно не пригорало. А Карл торопливо резал картофель на куски, громко стуча ножом по разделочной доске.

Перед тем, как засыпать картофель в котел, я присолила мясо и снова перемешала.

Жирок на нем хорошо обжарился, притушился, так, что слюнки текли. Так и хотелось срезать зажарку и поскорее ее съесть!

Туда же, в тушащиеся овощи, я налила немного густого мясного бульона, и он вскипел жирными пузырями. А Карл всыпал картофель, распределил его равномерно ложкой, и накрыл варево крышкой.

— Подкинь-ка дровишек, Карл! — велела я. — Пусть огонь чуть жарче разгорится!

За окном меж тем гроыхнул гром, в окна застучал сильный дождь.

— Ну и гроза! — обрадованно вскричал Карл, глядя на непогоду. — Ну, теперь точно папаша приедет на пару дней позже! Он как раз должен был доехать до подножия гор, а там постоянный двор.

— Это да, — согласилась я. — Он задержится, конечно... Но не отпугнет ли ливень наших посетителей?

— Да вот еще, — фыркнул Карл. — Все равно притопают. Здесь пересидят, переждут непогоду. Покурят, поговорят. И купят у нас побольше еды!

— Ох, Карл, — я вдруг ощутила ужасное волнение. — А музыканты?! Я совсем про них забыла! Нам бы музыкантов позвать!

— Об этом спросим у Бьёрна, — ответил Карл. — Он тут в округе всех знает. Посулим им выпивку и бесплатную еду, они и примчатся!

— Да, да, — пробормотала я, все еще волнуясь.

Потушив некоторое время картофель, я открыла крышку. Картошка лежала белая, чуть прозрачная.

— Почти готово! — крикнула я Карлу. — Давай остальной бульон!

Я посолила картошку и тщательно перемешала ее с мясом. Несколько зубцов чеснока, мелко изрубленных ножом, кинула в лениво кипящее варево, и Карл долил мясного бульона с золотистыми кружками жира.

Варево вскипело.

Лениво, лопаая большие жирные пузыри.

Держу пари, такого сытного блюда лесорубы и угольщики давно не пробовали!

— Ах, вкуснотища! — воскликнул Карл. — Как чесноком пахнет! Люблю чеснок.

— Можно и томатов немного добавить, для красоты, — сказала я. — Давай, выбери получше, да ошпарь-ка их кипятком иними шкурку!

И помидоры тоже отправились в котел, в наваристую подливку, в которой разваривались кусочки картофеля. Не жаркое — мечта!

Бьёрн явился первым.

Он скинул у порога обычную порцию дров — нам в оплату, — стряхнул воду со шляпы, с широких плеч, и потянул воздух широкими ноздрями. Притом так жадно, что мне уже сразу захотелось взять с него оплату.

«Эй! Ты столько вынюхал, что мог бы уже досыта наесться!» — хотела крикнуть я.

Но, разумеется, ничего такого не сказала.

Вместо этого я щедро налила ему горячего жаркого, последила, чтоб в миске было достаточно кусков мяса, и поспешила ему принести.

Увидев в своей тарелке такое, Бьёрн так и замер.

Брови его покарабкались на лоб и заблудились где-то на линии роста волос.

Глаза чуть не выкатились прям в горячее варево. «Эй ты, зрочки обожжешь!» — чуть не крикнула я. Но промолчала.

— Пять медяков, — заявила я смело, глядя, как лесоруб недоверчиво колупает кусок мяса в своей тарелке.

— Ы-ы-ы-ы-ы! — хищно взревел Бьёрн и жадно вцепился в горячее дымящееся мясо зубами.

Только за ушами затрещало.

Мои пять медяшек я поймала на лету, пока Бьёрн пожирал наше жаркое так, что брызги летели в разные стороны.

«А не продешевила ли я», — промелькнула у меня мысль. Но я тотчас отогнала ее. Мясо-то мне даром досталось. И то, что слопал Бьёрн — лишь небольшая его часть. Зачем жадничать?

— Я тут подумала, — уворачиваясь от брызг из-под бьёрновой ложки, — а не устроить ли нам небольшой праздник?

— Ы, — сказал Бьёрн. Ему было все равно. Ему было вкусно, и отвлекаться на всякие глупости он не хотел.

— В нашем городке мало развлечений, — продолжала я, — и ваше жена, наверное, скучает дома?

— Ы!.. — философски согласился со мной Бьёрн. Мол, а что я сделаю. Такова женская доля.

— Так вот мы могли устроить танцы и угощение, — продолжила я. — С жареным мясом и пивом. Завтра, например. Что скажете?

Я щелчком пальцев подозвала Карла — тот выжидал в засаде, — и мальчишка поставил перед Бьёрном кружку со свежим холодным пивом. Шапка пены с шипением таяла над глиняными краями. Капли воды текли по запотевшему боку кружки.

— Еще пара медяков, — не моргнув и глазом, произнесла я. — Если, конечно, хотите пива. Если нет, то...

Бьёрн перестал хлебать остатки подливки и уставился на меня, словно впервые видел. Потом огляделся по сторонам — а туда ли он вообще попал? Это точно таверна старика Якобса?

— Не сомневайтесь, вы пришли по адресу, — хладнокровно продолжила я, когда изумление бравого лесоруба немного прошло. — Это точно «Печеное яблоко», и тут совершенно точно подадут жареное на углях мясо и много, много пива! А кроме угощения тут будут танцы. Вы могли бы привести сюда вашу заскучавшую прелестную супругу и потанцевать с нею. Она ведь наверняка много месяцев никуда не ходила? И будет очень рада выгулять свое парадное платье?

— Ы! — изумленно выдохнул Бьёрн.

Он обеими руками ухватил кружку с пивом, поднес ее к губам и осушил в пару глотков.

Пиво пришлось ему по вкусу. У него даже усы вверх закрутились сами собой. Пару медяшек он отдал без возражений.

— Это значит «да»? — по-деловому осведомилась я, забирая деньги. — Говорят, вы и музыкантов можете позвать. Бесплатная еда, много пива и, вероятно, несколько медяков за их услуги их устроит?

— Да-а-а, — через силу выдавил радостный Бьёрн.

— Значит, мы договорились, — хладнокровно подытожила я. — С меня еще кусок мяса. За счет заведения!

И я знаком велела Карлу доложить Бьёрну еще жаркого.

С этим же предложением — привести заскучавшую жену на танцы, — я обратилась абсолютно ко всем посетителям таверны.

Надо отметить, что среди наших гостей я заметила несколько новых лиц. То ли на запах пришли, то ли слава о нашем вкусном угощении потихоньку начала распространяться по округе.

Но, так или иначе, а мы с Карлом заработали намного больше, чем обычно он получал дровами.

Часть денег мы честно отложили для папаши Якобса в оплату его картофеля и масла, а часть оправилась в наш тайник.

Я чувствовала себя миллионершей!

Лопая дешевое мясо, уплетая за обе щеки ароматный, разварившийся картофель и хлебная вкусную подливу, лесорубы воспринимали известие о пиве, мясе и танцах с интересом и воодушевлением.

Пойти развлечься тут и в самом деле особенно было некуда. Так что эту возможность весело провести вечер они точно не упустят!

Словом, когда окончился дождь, а Карл собирал миски, чтоб помыть их, дело было решено: завтра в таверне быть празднику!

Думаете, мы сложили руки, заработав много денег за завтрак с мясом?

Ничуть не бывало!

Помня о словах Карла, что один Бьёрн может слопать половину свиньи, испеченной на углях, я попросила еще мяса, и к нему — разных маринадов.

И прекрасного винного уксуса, и жгучего красного, и жирного майонеза.

И еще десяток бочонков с пивом.

С припасами оставила разбираться Карла. Помогла ему лишь перекатить тяжелые бочонки да показала, с каким маринадом лучше готовить мясо.

Он с готовностью остался разделять жирную сочную свинину на куски и замачивать ее с луком в котлах.

В помощь нам Карл нанял пару девушек. Я рассудила, что если гостей будет много, то вдвоем мы просто разорвемся. Нужно будет и подавать угощение, и пиво наливать. Ноги собьём и мясо сожжем на углях. А с помощницами управимся.

Они пришли к полудню и помогли Карлу с мясом.

Целых три котла с замаринованными кусками стояли в холодном погребе, надежно прикрытые крышками. Еще несколько кусков варились для супа.

Девушки без усталости чистили овощи и драили посуду до блеска.

— Ну, пошло дело! — радостно сообщил мне Карл.

А я снова подхватила ведро с водой и тряпку, и отправилась отмывать таверну.

На сей раз смогла привести в порядок только лестницу и пару небольших комнат.

Лестница оказалась чудесная, с точеными изящными лакированными балясинами, с гладкими ровными перилами. Ступени немного скрипели, ну, так что ж. Зато я их отмыла, и они тоже оказались дубовыми.

А в комнатках наверху после уборки стало светлее. Я и тюфяки взбила, и постельное белье поставила кипятиться со щелоком.

К нашему празднику я попросила Карла нарезать больше ветвей елок и украсить ими зал. Хвойный свежий аромат лучше застоявшегося спертых воздуха! Да и зелень — это красиво. Напоминание о зимних праздниках. Зимним праздникам все рады. Пусть и весеннему радуются!

Признаться, я готова была залезть на крышу и драить ее щеткой, наплевав на проливной дождь. Лишь бы поскорее справиться со всеми заданиями папаши Якобса и поскорее получить свободу.

Но Карл мне этого не позволил сделать.

— Адель, — сказал он строго, когда я уже развешивала белье на чердаке. — А сама ты что же, не наденешь чистого и красивого? Все-таки, праздник...

— Так откуда взять-то, — пропыхтела я, разгибаясь с трудом и отирая со лба пот и прилипшие волосы.

— Может, сходишь в лавку, купишь что-нибудь новое? Денег же много.

Кажется, Карл испытывал некоторое стеснение оттого, что его-то я придела. А сама...

— Ах, хороший мой! — улыбнулась я. — Я б сходила. Но эти деньги ведь пойдут на дело. Карл тряхнул лохматой головой.

— Конечно, на дело, — согласился он. — Но ведь и о себе надо думать! Ты совсем молодая, неужто тебе не хочется нового красивого платья?

— Хочется, — согласилась я. — Но в такой дождь я просто испорчу все обновы, и все.

Карл задумался. На его лице отобразилась нешуточная такая внутренняя борьба.

— Ну, ладно, — решительно сказал он, наконец. — Я дам тебе мамино... оно очень красивое и почти новое. Она его и не носила почти.

— Может, не надо? — тихо произнесла я. Нутром почуяла, как мальчишке трудно расставаться с тем, что ему дорого. Что ему так напоминает мать.

— А кому оно теперь, — вздохнул Карл. — Залежится, истлеет. А на тебе... может, мне ненадолго покажется, что она снова вернулась. Оно правда красивое и богатое. Знаешь... она была первой красавицей в нашем городе! А когда нарядится, так и вовсе глаз от нее было не оторвать!

Мои губы дрогнули, глаза налились слезами.

— Что с ней случилось? — тихо спросила я.

Карл вздохнул.

— Упала с лестницы, повредила голову. Да и бок сильно зашибла. Надо было врача позвать. А папаша сказал — само пройдет. Нечего деньги тратить. Он говорил, ей просто надо полежать. Но не прошло. Неделю она пролежала почти без памяти. То прихода в себя, говорила, то снова засыпала и бредила. И...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.